

НОРА РОБЕРТС

Объятия смерти

*Робертс —
талантливейшая
рассказчица, умеющая
придумывать самые
невероятные
и захватывающие
сюжеты.*

Publishers Weekly

Нора Робертс
Объятия смерти
Серия «Ева Даллас», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119891
Объятия смерти: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37720-6

Аннотация

Владелец крупнейшей компании, занимающейся торговлей цветами, отравлен на праздновании своего дня рождения. Его отравительница – опасная преступница, недавно вышедшая из тюрьмы и жаждущая отомстить Еве Даллас, отправившей ее за решетку. Ева бесстрашно принимает вызов, тем более что если немедленно не остановить убийцу, одной из следующих жертв может стать ее муж Рорк...

Содержание

1	4
2	25
3	46
4	67
5	88
6	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Нора Робертс

Объятия смерти

Бывает подлость, которая слишком подла для мужчины, – только красивая женщина способна на нее.

У. М. Теккерей

Время – надежнейший яд.

Р. У. Эмерсон

1

Убийство – серьезное дело, причем не только для преступника, но и для жертвы, и для оставшихся в живых. Одни выполняют его усердно, другие – небрежно.

Для некоторых же оно является любимым делом.

Выходя из своего дома на Парк-авеню, Уолтер С. Петтибоун пребывал в блаженном неведении относительно того, что живет последние часы. Удачливый бизнесмен, увеличивший и без того значительное семейное состояние за счет цветов и людской сентиментальности, он в свои шестьдесят лет был крепким мужчиной. Всего год назад Петтибоун женился на молодой блондинке с сексуальными аппетитами суки доberman в период течки и был вполне доволен своей жизнью.

У него были любимая работа и двое взрослых детей от первого брака, которые в один прекрасный день унаследуют семейный бизнес. Он поддерживал добрые отношения с бывшей супругой, гордился сыном и дочерью и души не чаял во внуке.

«Мир цветов» являл собой крупнейшее предприятие такого рода с офисами, оранжереями и организациями цветочных садов во всех уголках мира. Но главный секрет успеха этого весьма прибыльного предприятия заключался в том, что Уолтер Петтибоун искренне любил цветы. Он восхищался их ароматами, красками, разнообразием и самим чудом их существования.

Каждое утро по дороге в свой офис Уолтер посещал несколько магазинов, чтобы проверить наличие и состояние товара, а также просто поболтать с другими любителями цветов. Дважды в неделю он поднимался до рассвета и отправлялся на цветочный рынок, где бродил от одного ряда к другому, наслаждаясь запахом и видом цветов и щедро раздавая похвалы и критические замечания.

Этого распорядка Уолтер почти неуклонно придерживался десятилетиями, никогда не уставая от него. Сегодня он собирался провести час среди цветов и подольше задержаться в офисе, дабы обеспечить жене время и пространство для подготовки к вечеринке по случаю его дня рождения.

При мысли об этом Уолтер усмехнулся.

Вечеринка должна была явиться сюрпризом для него, но

его супруга не могла хранить секреты, даже если бы заперла рот на замок. Он знал о готовящейся вечеринке и ожидал ее с нетерпением ребенка.

Естественно, ему придется изобразить удивление, в чем он попрактиковался утром перед зеркалом.

Занятый повседневными делами, Уолтер Петтибоун и представить себе не мог, какой сюрприз ожидает его в ближайшее время.

* * *

Никогда еще Ева Даллас не чувствовала себя лучше. Отдохнув и набравшись сил, она готовилась к выходу на работу после чудесного двухнедельного отпуска, где самыми скучными занятиями были еда и сон.

Одна неделя на вилле в Мексике, вторая на острове. И там, и там не было недостатка в солнце, сексе и отдыхе.

Рорк снова оказался прав – им было необходимо побыть какое-то время вместе вдали от дома. Оба нуждались в отдыхе, который, судя по ее теперешнему самочувствию, превозмошел все ожидания.

Ева стояла перед стенным шкафом, пытаясь разобраться в дебрях одежды, приобретенной после замужества, и хмурилась. Ее недовольство было вызвано не только тем, что она провела большую часть последних двух недель полностью или почти обнаженной. Еве казалось, что Рорк снова тайком

от нее пополнил содержимое шкафа.

Она вынула длинное голубое платье из искрящегося материала:

– Что-то я не видела его раньше.

– Это твой шкаф, а не мой. – Рорк изучал биржевые сводки на настенном экране, наслаждаясь второй чашкой кофе. – Если ты наденешь это платье сегодня, оно произведет неизгладимое впечатление на преступные элементы.

– По-моему, здесь больше баракла, чем было две недели назад.

– Неужели? Просто невероятно!

– Ты должен прекратить покупать мне одежду.

Рорк протянул руку, чтобы погладить Галахада, но кот с презрением отвернулся. После их возвращения вчера вечером он всячески демонстрировал хозяевам свое недовольство.

– Почему?

– Потому что ее уже некуда девать!

Ева рылась в шкафу, пытаясь найти что-нибудь практичное.

Наконец она достала жилет и брюки и стала поспешно одеваться. Рорк, улыбаясь, любовался ее стройным гибким телом. Кожу Евы покрывал золотистый загар, солнце играло в ее коротких каштановых волосах. Ева являла собой редкий тип женщины, которая вообще не думает о моде, и именно по этой причине Рорк буквально забрасывал ее модными ве-

щами.

Когда она надела ремень с кобурой, решительная складка ее рта дала Рорку понять, что лейтенант Ева Даллас вернулась и готова к исполнению служебных обязанностей.

– И почему это вооруженные женщины так меня возбуждают?

Ева бросила на него быстрый взгляд, доставая из шкафа светлую куртку:

– Не рассчитывай. Я не стану опаздывать в первый же день из-за твоего возбуждения.

«Она и в самом деле вернулась», – подумал Рорк.

– Только не эту куртку, – сказал он.

– Почему? – Ева уже успела продеть руку в рукав. – Она легкая – как раз для лета – и хорошо скрывает оружие.

– Она не подходит к этим брюкам. – Рорк подошел к шкафу и достал другую куртку, из того же материала цвета хаки, что и брюки. – Вот эта подойдет.

– Я не на съемку собираюсь, – буркнула Ева, но куртку передела, чтобы не тратить времени на споры.

Рорк вынул пару коричневых кожаных ботинок.

– Откуда они взялись?

– Принесла фея.

Ева с подозрением уставилась на ботинки:

– Меня вполне устраивали старые.

– «Старые» для них слишком лестный эпитет. Примерь эти.

– Только зря время терять, – пробормотала Ева, но присела на диван и надела ботинки.

Они пришлись в точности по ноге и были необыкновенно удобными. Ева прищурилась, глядя на мужа. Очевидно, ботинки были изготовлены вручную на одной из его бесчисленных фабрик и стоили больше, чем коп из отдела убийств Нью-Йоркского полицейского управления в состоянии заработать за два месяца.

– Похоже, фея знает мой размер, – заметила Ева. – Полагаю, бесполезно объяснять ей, что копу ни к чему дорогая обувь, чтобы делать обход или колотить ногами в дверь.

– У феи свое мнение на этот счет. – Рорк запустил руку в волосы жены. – Она тебя обожает.

При этих словах сердце Евы учащенно забилося. Глядя в глаза Рорка, она почувствовала, что тонет в их бездонной синеве.

– Ты такой красивый! – Ева не собиралась произносить это вслух и едва не вздрогнула при звуках собственного голоса.

Усмешка мелькнула на чеканном лице Рорка, достойном резца скульптора. «Молодой ирландский бог» – так, по мнению Евы, следовало назвать статую, для которой он послужил бы моделью. Разве боги, купающиеся в собственном могуществе, не были такими же обольстительными?

– Я должна идти. – Ева поднялась.

– Да, нам пора возвращаться к реальности. Но... – Руки

Рорка скользнули вниз по бедрам Евы, сразу напомнив ей о том, что эти ловкие пальцы способны сделать с ее телом. – Думаю, у тебя есть минутка, чтобы поцеловать меня на прощание.

– Ты этого хочешь?

– Безусловно.

– Ну что ж... – Быстрым движением Ева схватила Рорка за черные волосы, спускающиеся почти до плеч, нагнула его голову к себе и прижалась губами к его губам.

Почувствовав, что сердце Рорка колотится так же сильно, как ее собственное, она ловко выскользнула из его объятий и направилась к двери:

– Увидимся позже.

– Удачного дня, лейтенант. – Рорк со вздохом опустился на диван. – Ну, – обратился он к коту, – чего мне будет стоить возвращение твоей дружбы?

* * *

Войдя в управление, Ева сразу направилась в сторону отдела убийств. Конечно, на утесах западной Мексики и на тропических островах с их напоенным ароматами бризом дышалось совсем по-другому, но ей не хватало здешнего воздуха, насыщенного запахом пота, скверного кофе, едких дезинфицирующих средств и, самое главное, яростной энергией, которую порождает столкновение полицейского с пре-

ступником. За две недели отпуска она успела соскучиться по звукам голосов, говорящих одновременно, несмолкаемым звонкам и сигналам аппаратов связи, суесящимся людям, у каждого из которых было важное и неотложное дело.

Поток непристойной брани, извергаемый кем-то из задержанных, прозвучал музыкой в ее ушах.

«Добро пожаловать домой!» – подумала Ева.

До встречи с Рорком работа была ее домом и единственной целью в жизни. Ведь именно работа когда-то превратила Еву из сломленной и беспомощной жертвы в истинного воина.

Ева вошла в комнату, где сидели детективы, готовая к любому сражению.

Детектив Бакстер, оторвавшись от своих бумаг, негромко присвистнул:

– Вау! Да ведь это Даллас!

Ева с усмешкой обернулась:

– Ты в своем репертуаре, Бакстер. Приятно смотреть, когда хоть что-то не меняется.

– Зато ты выглядишь шикарно. – Он поднялся из-за стола, подошел к ней и взялся двумя пальцами за лацкан ее куртки. – Вот это прикид, Даллас! Рядом с тобой мы все выглядим оборванцами.

– Это всего лишь куртка.

– И загорела ты здорово! Небось жарилась на солнце гольшом?

– Кажется, ты напрашиваешься на хороший пинок в зад, – предупредила Ева.

Бакстер погрозил ей пальцем:

– А что это у тебя в ушах? Неужели серьги? Ну, ты даешь, Даллас!

Ева поднесла руку к уху. Так и есть, она забыла снять серьги!

– Очевидно, пока меня не было, преступная деятельность в городе замерла, если у тебя есть время торчать здесь и обсуждать мой внешний вид?

– Я ослеплен им, лейтенант. А ботиночки тоже новые?

– Пошел ты! – Ева двинулась дальше.

– Теперь я вижу, что она действительно вернулась! – возвестил Бакстер под гром аплодисментов.

«Придурки!» – думала Ева, направляясь к своему кабинету.

Нью-Йоркский департамент полиции и безопасности был укомплектован законченными кретинами. Но как же ей их не хватало!

Шагнув через порог, Ева застыла, широко раскрыв глаза.

Ее стол и весь кабинет буквально сверкали чистотой. Как будто кто-то всосал в себя всю пыль и грязь, накопившиеся за несколько лет. Ева провела пальцем по стене. Краска была свежей.

Она окинула взглядом кабинет. В тесной комнатухе с единственным окном по-прежнему стояли исцарапанный

письменный стол и пара скрипучих стульев. Но металлический шкаф с картотекой также был выкрашен, и теперь на нем красовался горшок с каким-то растением.

С отчаянным воплем Ева подлетела к шкафу и выдвинула ящик:

– Так я и знала! Этот убудок снова меня достал!

– В чем дело, лейтенант?

Ева обернулась. В дверях стояла ее помощница, выглядевшая в накрахмаленной летней униформе так же безупречно, как и вся комната.

– Проклятый ворюга опять нашел мой запас конфет!

Пибоди поджала губы:

– Вы хранили их в этом шкафу? Под буквой М?

– Да! М – значит «мое»! – Огорченная Ева захлопнула дверцу. – Я забыла вынуть конфеты перед отпуском. Что, черт возьми, здесь произошло, Пибоди? Мне пришлось прочитать фамилию на двери, чтобы убедиться, что это мой кабинет!

– Вашим отсутствием воспользовались, чтобы его убрать и покрасить. Здесь был жуткий бардак.

– Да, но я к нему привыкла! А где мои вещи? – осведомилась Ева. – У меня тут лежали рапорты по делу Данвуда и другие бумаги, которые я намеревалась разобрать, когда вернусь.

– Я сама все разобрала. – Пибоди улыбнулась, весело блеснув темными глазами. – У меня оставалось свободное время.

– Ты сделала всю бумажную работу?

– Да, мэм.

– И организовала капитальный ремонт в моем кабинете?

– В углах уже завелись многоклеточные организмы. Теперь они истреблены полностью.

Ева сунула руки в карманы и медленно повернулась на каблуках:

– Надеюсь, ты не имеешь в виду, что когда я на работе, то не даю тебе времени для выполнения повседневных обязанностей?

– Конечно, нет. С возвращением, Даллас. Должна признаться, выглядите вы клево.

Ева опустила на стул:

– А как, по-твоему, я выгляжу обычно?

– Это риторический вопрос?

Ева посмотрела на крупное лицо Пибоди под шапкой темных волос.

– Я пытаюсь определить, соскучилась ли я по твоему острому язычку. Пожалуй, нет.

– Так я вам и поверила! Загар у вас потрясающий. Наверное, часами лежали на солнце?

– Угадала. А где ты приобрела свой загар? Под кварцевой лампой?

– Нет. На Бимини.

– На острове? Какого черта ты там делала?

Пибоди обиженно поджала губы:

– Отдыхала, как и вы. Так как вас не было, Рорк предложил мне взять недельный отпуск и...

– Рорк?

– Да, он подумал, что мы с Макнабом могли бы немного отдохнуть, поэтому...

Ева почувствовала, как у нее под глазом начинает дергаться жилка. Так происходило каждый раз, когда Пибоди при ней упоминала о нагловатом, обожающем крикливо одеваться детективе Йене Макнабе из электронного отдела.

Чтобы справиться с неприятным ощущением, Ева прижала пальцы к щеке.

– Ты и Макнаб. На Бимини. Вместе.

– Ну, нам это показалось неплохой идеей. А когда Рорк сказал, что мы можем воспользоваться его самолетом и домом на Бимини, мы жутко обрадовались.

– Его самолетом и домом на Бимини? – Жилка снова забила под пальцами Евы.

Пибоди с сияющими глазами присела на край стола Евы.

– Даллас, это не дом, а настоящий дворец! Там и искусственный водопад, и бассейн, и водные лыжи... А кровать размером с Сатурн!

– Не хочу ничего слышать о кровати!

– И место такое уединенное... Дом стоит на самом берегу, мы почти все время возились голые, как обезьяны.

– О возне в голом виде я тоже не желаю слышать!

Пибоди пожала плечами:

– Иногда мы были только полуголые. И вообще, – поспешно добавила она, прежде чем Ева успела открыть рот, – все было на высшем уровне. Я хотела в благодарность сделать Рорку подарок, но ничего не могу придумать – у него ведь есть абсолютно все. Может, вы мне что-нибудь подскажите?

– Это полицейский участок или клуб?

– Ладно, Даллас, работа не волк. – Пибоди улыбнулась. – Что, если подарить ему один из шарфов, которые вяжет моя мама? Они очень красивые.

– В этом нет надобности. Рорк не ждет от тебя никаких подарков.

– Но это лучший отпуск, какой у меня когда-либо был. Я хочу, чтобы Рорк знал, как я ему благодарна.

Ева невольно смягчилась:

– Конечно, он будет в восторге от шарфа.

– Правда? Тогда все в порядке. Я вечером позвоню маме.

– А теперь, Пибоди, может быть, для разнообразия займемся работой? Наверняка у нас накопились дела.

– Мы абсолютно чисты.

– Тогда дай мне материалы по «холодным» делам.

– По каким именно?

– На твое усмотрение. Должна же я чем-то заняться.

– Сейчас. – Пибоди задержалась у двери. – Знаете, что самое лучшее в отпуске? Возвращение назад!

Ева провела утро, погружившись в нераскрытые дела, сопоставляя показания, анализируя факты, выстраивая новые схемы. Ее заинтересовало дело двадцатипятилетней Марши Стиббс, которая была найдена мертвой в собственной ванне. Обнаружил Маршу ее муж Бойд, вернувшийся из деловой поездки. На первый взгляд это был типичный несчастный случай, но медицинская экспертиза установила, что женщина умерла от удара по голове, а уже потом была помещена в ванну, наполненную водой.

При обыске из бельевого ящика комода была изъята пачка писем, подписанных лишь одной буквой С. Тексты были весьма откровенные в сексуальном отношении и изобиловали просьбами развестись с мужем и соединиться с любовником. Согласно рапорту содержание писем шокировало мужа и свидетелей по этому делу, знавших жертву.

Муж имел надежное алиби, и сведения о нем не вызывали никаких подозрений. Бойд Стиббс, региональный представитель компании, производящей спорттовары, был обычным американцем с доходом чуть выше среднего. Женился он шесть лет назад на своей университетской подруге, которая стала администратором крупного универмага. Бойд любил играть в футбол по воскресеньям и не имел проблем с алкоголем, наркотиками или азартными играми. За ним не

числилось никаких эпизодов, связанных с насильственными действиями, и он добровольно вызвался пройти испытание на детекторе лжи, которое выдержал безукоризненно.

Детей у Стиббсов не было, они жили в многоквартирном доме в тихом районе Вест-Сайда, общались с узким кругом друзей и казались дружной и счастливой парой.

Расследование было подробным и тщательным. Тем не менее не удалось обнаружить никаких следов любовника с инициалом С.

Ева позвонила Пибоди по внутреннему телефону:

– Седлай коня, Пибоди. Надо кое-кого навестить.

Спрятав досье в сумку, она сняла куртку со спинки стула и направилась к двери.

* * *

– Я еще никогда не работала над «холодным» делом.

– А ты думай о нем как об открытом, – посоветовала Ева.

– И давно его открыли? – спросила Пибоди.

– Шесть лет назад.

– Если тот тип, с которым у нее была внебрачная связь, ни разу не показал носа за все это время, как вы собираетесь отыскать его теперь?

– Посмотрим. А пока почитай письма.

Пибоди достала из сумки пухлую пачку.

– Ну и ну! – воскликнула она на середине первого посла-

ния. – Здорово возбуждает!

– Читай дальше.

– Теперь меня уже не остановить – я просвещаюсь. – Пибоди заерзала на сиденье. – Господи, кажется, у меня случился оргазм!

– Так, приехали... Ну а что еще ты извлекла из этих писем?

– То, что у мистера С. богатое воображение и неиссякаемая сексуальная энергия.

– Тогда спрошу по-другому. Что ты из них не извлекла?

– Ну, он никогда не подписывается полностью... – Понимая, что она что-то упустила, Пибоди снова уставилась на письма. – Нет конвертов, так что их могли доставить не по почте. – Она вздохнула: – Можете вклеить мне двойку. Не знаю, что вы здесь увидели.

– Скорее что я не увидела. Никаких упоминаний о том, как, когда и где они познакомились. Как стали любовниками. Где они трахались во всех упомянутых позах. Он никогда не назначает ей свиданий. Это заставляет задуматься...

– Над чем?

– Над возможностью, что этого С. никогда не существовало.

– Но...

– Перед нами женщина, несколько лет состоящая в браке, имеющая приличную работу и друзей, – перебила Ева. – Судя по показаниям этих друзей, ничто в ее словах, поведе-

нии и образе жизни не свидетельствовало о наличии любовника. В рабочее время она никуда не отлучалась. Когда же они могли встречаться?

– Муж часто бывал в командировках.

– Конечно, это предоставляет возможность для измены женщине, которая к этому склонна. Но наша жертва демонстрировала все признаки порядочности, верности и ответственности. Она не прогуливала работу и в положенное время возвращалась домой, а если где-нибудь бывала, то только в компании мужа или друзей. Не было никаких подозрительных звонков из дома или по мобильной связи. Каким образом она и мистер С. могли договариваться об очередном свидании?

– Может быть, он был ее сослуживцем.

– Возможно.

– Но вы так не думаете. О'кей, она казалась верной женой, но посторонние не могут знать все о супружеской жизни своих ближайших друзей. Иногда даже муж и жена многого не знают друг о друге.

– Истинная правда. Следовательно с тобой согласен, на что имел все основания.

– Но вы не согласны, – закончила Пибоди. – Вы думаете, что муж тайком вернулся из командировки, прикончил ее и подбросил эти письма, чтобы все выглядело так, будто она ему изменяла?

– Это не исключено. Вот почему нам нужно с ним побе-

седовать.

Ева въехала на второй уровень уличной стоянки и втиснула свою машину между седаном и огромным мотоциклом.

– Большую часть дня он проводит на работе. – Она кивнула в сторону многоквартирного дома. – Посмотрим, здесь ли он сейчас.

* * *

Бойд Стиббс оказался дома – крепкий привлекательный мужчина в спортивных шортах и футболке, с маленькой девочкой на руках. При виде значка Евы его лицо омрачилось.

– Вы насчет Марши? Есть новости? – Мужчина коснулся губами светлых волос девочки. – Входите. Уже давно ко мне никто не обращался по этому поводу. Подождите, я отнесу ее в детскую. Предпочитаю, чтобы она не... – Он погладил девочку по голове. – Одну минуту.

– Как ты думаешь, сколько лет ребенку, Пибоди? – спросила Ева, когда мужчина с девочкой вышли.

– По-моему, около двух.

Ева кивнула, глядя на разбросанные по полу игрушки. Из соседней комнаты послышался требовательный детский голос:

– Папа! Играть!

– Поиграй сама, Трейси, а когда придет мама, может быть, мы сходим в парк. Но ты должна вести себя хорошо, пока я

поговорю с этими дамами. Ладно?

– А на качелях покачаемся?

– Непременно.

Вернувшись, мужчина провел рукой по светлым волосам:

– Не хочу, чтобы она слышала наш разговор. Вы нашли убийцу?

– К сожалению, нет, мистер Стиббс. Это всего лишь рутинный визит.

– А я-то надеялся... Хотя глупо было рассчитывать, что вы найдете его спустя столько времени.

– У вас нет никаких предположений насчет того, с кем у вашей жены была связь?

– Ни с кем! – крикнул Стиббс, покраснев от гнева. – Мне все равно, что говорят другие. У Марши не было никакой связи. Когда ее убили, я сначала в это поверил, потому что у меня помутилось в голове, но потом понял, что это чепуха. Марша не была обманщицей, и она любила меня. – Он опустился на стул и закрыл глаза. – Простите мою несдержанность. Не могу выносить, когда так говорят о Марше. Мне тяжело при мысли, что даже друзья думают о ней такое. Она этого не заслужила.

– А как же письма, которые нашли в ее комод?

– Меня не интересуют письма. Она не стала бы мне изменять. У нас была... – Стиббс бросил взгляд на дверь, за которой девочка что-то напевала. – У нас была полноценная сексуальная жизнь. Мы поженились такими молодыми, по-

тому что не могли друг без друга, а Марша верила в брак. – Он наклонился к Еве: – Я думаю, что письма присылал ей какой-то псих, одержимый навязчивой идеей. Не знаю, почему Марша мне об этом не рассказывала – очевидно, не хотела меня волновать. Наверное, этот тип явился сюда, когда я был в Коламбусе, и убил ее, потому что она не желала иметь с ним дело.

Еве казалось, что Стиббс говорит искренне. Конечно, он мог притворяться, но какой в этом смысл? Если он сам подбросил письма, то зачем ему настаивать на верности жены?

– Мистер Стиббс, кто, по-вашему, мог это быть?

– Понятия не имею. Я думал об этом. Первый год после гибели Марши я не мог думать ни о чем другом. Я надеялся, что убийцу найдут и он за все заплатит. Мы были счастливы, лейтенант! А потом все кончилось... – Он плотно сжал губы.

– Мне очень жаль, мистер Стиббс. – Ева помолчала. – У вас славная девочка.

– Трейси? – Стиббс потер ладонью лоб, словно возвращаясь к настоящему. – Она свет моей жизни.

– Значит, вы снова женились?

– Почти три года назад. – Он вздохнул и расправил плечи. – Морин была подругой Марши. Она помогла мне пережить тот страшный год. Не знаю, что бы я делал без нее.

Входная дверь открылась. Хорошенькая брюнетка с пакетами в руках вошла в комнату и закрыла дверь ногой.

– Привет, ребята! Я вернулась. Вы никогда не догадаетесь,

что я...

Она замолчала при виде Евы и Пибоди. Взгляд Морин скользнул по униформе Пибоди, и Ева увидела на ее лице страх.

2

Должно быть, Бойд тоже это заметил, так как сразу встал и быстро подошел к ней.

– Все в порядке. – Он ободряющим жестом коснулся ее руки, прежде чем забрать у нее пакеты. – Они пришли из-за Марши. Рутинное мероприятие.

– А где Трейси?

– В детской. Она...

В этот момент девочка пулей вылетела из комнаты и бросилась к матери:

– Мама! Мы идем качаться на качелях!

– Мы постараемся не занять у вас много времени, – сказала Ева. – Вы не могли бы уделить нам несколько минут, миссис Стиббс?

– Простите, но я не уверена, что смогу быть вам полезна...

Кроме того, мои покупки...

– Мы с Трейси их разберем. Верно, Трейси? – прервал Бойд жену, подмигнув дочери. – Она думает, мы не знаем, куда что положить, но мы ей докажем, что это не так. Пошли на кухню, малышка.

Девочка побежала впереди, что-то лопоча.

– Прошу прощения за причиненные неудобства, – начала Ева, внимательно глядя на Морин. – Мы не задержим вас надолго. Вы были подругой Марши Стиббс?

– Да. И ее, и Бойда. Он тяжело переживал случившееся.

– Не сомневаюсь. Вы были знакомы с миссис Стиббс за-долго до ее гибели?

– Чуть больше года. – Морин бросила тревожный взгляд в сторону кухни. – Ее уже почти шесть лет нет в живых. По-моему, пора забыть об этом.

– Шесть лет или шесть дней, но кто-то ее убил. Вы были очень близки?

– Мы дружили. Марша была очень общительной.

– Она когда-нибудь признавалась вам, что встречается с другим мужчиной?

Морин открыла было рот, затем, поколебавшись, покачала головой:

– Нет. Я ничего не знаю. Когда это случилось, я рассказала полиции все, что могла. Это ужасно, но ничего уже не изменишь. Теперь у нас новая жизнь – спокойная и счастливая, – а ваш приход только заставит Бойда горевать снова. Я не хочу, чтобы моя семья разрушилась! Пожалуйста, уходите!

Когда они шли к лифту, Пибоди сказала Еве:

– Она что-то знает.

– Наверняка.

– Я думала, вы на нее слегка надавите.

– Только не на ее территории. – Ева шагнула в лифт. Мысленно она уже переставляла фрагменты картинки-загадки. – Не при ребенке и Стиббсе. Марша ждала этого долго – еще немного времени не имеет значения.

– Думаете, ее муж чист?

– Я думаю... – Ева вынула из сумки досье и диск и протянула Пибоди. – Тебе придется над этим поработать.

– Лейтенант?

– Закончить это дело.

Пибоди изумленно уставилась на Еву:

– Мне? Вести расследование убийства?

– Работать будешь главным образом в свободное время, особенно если у нас появится новое дело. Прочитай досье, изучи рапорты и показания, проведи повторные опросы – ты знаешь порядок.

– Вы поручаете мне расследование?!

– В случае надобности будешь советоваться со мной. Держи меня в курсе и подавай рапорты.

– Есть, лейтенант. Спасибо. Я вас не подведу, – сказала взволнованно Пибоди.

– Не подведи Маршу Стиббс.

Пибоди прижала досье к груди, как любимого ребенка, и держала его так всю дорогу до управления.

Когда они поднимались из гаража, Пибоди покосилась на Еву:

– Лейтенант...

– Ну?

– Могу я попросить Макнаба помочь мне с электронными данными? Я имею в виду связи жертвы, видеозаписи камер слежения в доме и тому подобное.

Руки Евы, которые она держала в карманах, сжались в кулаки.

– Это твоё расследование.

– Мое расследование... – благоговейным шепотом повторила Пибоди. Пока они шли по коридору, у нее был рот до ушей.

Внезапно Ева нахмурилась, а рука ее инстинктивно скользнула к оружию – из отдела убийств доносились какие-то крики, свист и шум.

– Что это значит?

Она вошла первая и окинула взглядом помещение. Никто не работал в своем отсеке, а в центре комнаты было сдвинуто несколько столов. Не меньше десяти служителей закона столпилось вокруг них, устроив нечто, подозрительно напоминающее вечеринку.

Потянув носом, Ева учуяла запах свежей выпечки.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – Ей пришлось кричать, чтобы быть услышанной. – Пирсон, Бакстер, Делрики! – Она ткнула Бакстера кулаком в плечо, чтобы привлечь к себе внимание. – Вообразили, что смерть взяла отпуск? Где вы раздобыли эту жратву? Всем немедленно встать и заняться делом!

Бакстер подавился тем, что было у него во рту, и в результате его объяснение прозвучало нечленораздельно. Тогда он усмехнулся и указал пальцем на стол.

Ева увидела гору домашнего печенья и то, что, по-види-

мому, было огромным пирогом, прежде чем его обглодала стая волков. В толпе она разглядела двух штатских. Высокий тощий мужчина и полная миловидная женщина, сияя улыбками, разливали какую-то бледно-розовую жидкость из большого кувшина.

Прежде чем Ева успела пробиться к штатским, она услышала пронзительный крик Пибоди. Круто повернувшись, Ева схватилась за оружие, но Пибоди едва не сбила ее с ног, бросившись к гражданским лицам.

Мужчина поймал Пибоди и легко поднял ее, несмотря на свою худобу. Женщина повернулась – при этом ее длинная голубая юбка взвилась в воздух – и обняла Пибоди с другой стороны.

– Девочка моя! – Лицо мужчины светилось обожанием, Ева убрала руку с кобуры.

– Папа! – Издав какой-то странный звук – нечто среднее между всхлипыванием и хихиканьем, – Пибоди спрятала лицо на груди у мужчины.

– Я сейчас заплачу, – пробормотал Бакстер, схватив очередное печенье. – Они пришли минут пятнадцать назад и принесли с собой кучу лакомств. От этих штук оторваться невозможно. – Он снова потянулся за печеньем.

Ева побарабанила пальцами по столу.

– А пирог был вкусный?

– Еще какой! – усмехнулся Бакстер.

Женщина отпустила Пибоди и обернулась. Она выглядела

очень привлекательно с ее темными, как у дочери, волосами, пышным водопадом спускающимися на спину. Из-под длинной юбки виднелись плетеные сандалии. Поверх желтой свободной блузки висело не менее дюжины цепочек и брелоков.

Лицо ее было мягче, чем у Пибоди, а в уголках блестящих карих глаз виднелись морщинки, свидетельствующие о возрасте. Легкой походкой она направилась к Еве, раскрыв объятия.

– Вы лейтенант Даллас? Я бы узнала вас где угодно! – Женщина стиснула обе руки Евы. – Я Фиби, мать Делии.

Ее унизанные кольцами руки были теплыми, хотя и с грубоватыми ладонями. На запястьях позвякивали браслеты.

– Рада с вами познакомиться, миссис Пибоди.

– Фиби. – Она улыбнулась и притянула Еву к себе. – Сэм, отпусти девочку и познакомься с лейтенантом Даллас.

Мужчина повернулся, не выпуская Пибоди из объятий.

– Очень рад. – Он пожал Еве руку. – Делия столько о вас рассказывала, что мне кажется, будто я давно вас знаю. Мы никогда не сможем достойно отблагодарить вас за то, что вы сделали для нашего сына.

Смутившись, Ева высвободила руку.

– Как поживает Зак?

– Очень хорошо. Уверен, он попросил бы передать вам наилучшие пожелания, если бы знал, что мы приедем к вам.

Мужчина снова улыбнулся. Теперь Ева заметила сходство между ним и братом Пибоди. То же узкое лицо апостола, те

же серые глаза. Но во взгляде Сэма Пибоди было нечто, заставившее Еву ощутить покалывание в затылке.

Этот человек не был таким безобидным, как его сын.

– Передайте ему привет. Пибоди, ты свободна до конца дня.

– Благодарю вас, лейтенант.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказала Фиби. – Не могли бы и вы уделить нам немного времени? Конечно, вы очень заняты, – продолжала она, прежде чем Ева успела ответить, – но, может быть, мы вечером пообедаем с вами и вашим мужем? У нас есть для вас подарки...

– Вы не должны ничего нам дарить!

– Подарки дарят не по обязанности, а по желанию, и мы надеемся, что они вам понравятся. Делия так много рассказывала нам о вас, о Рорке и о вашем доме. Наверное, это удивительное место. Хорошо бы нам с Сэмом представилась возможность повидать его.

Еве казалось, будто она очутилась в большом сундуке, крышка которого медленно закрывается. Фиби продолжала безмятежно улыбаться, а Пибоди внезапно обнаружила живейший интерес к потолку.

– Вы можете прийти к нам пообедать, – вздохнув, сказала Ева, а что ей еще оставалось?

– С удовольствием. Восемь часов вас устроит?

– Вполне. Пибоди знает дорогу. В любом случае добро пожаловать в Нью-Йорк. Я постараюсь что-нибудь... пригото-

вить, – неуверенно закончила Ева и шагнула назад, ища путь к спасению.

– Я сейчас вернусь, – быстро шепнула Пибоди родителям и поспешила за Евой.

За их спинами сразу же послышались оживленные возгласы.

– Тут ничего не поделаешь, – со вздохом заметила Пибоди. – Мой отец обожает печь и всегда таскает за собой все необходимые принадлежности.

– Каким же образом они протащили все это в самолет?

– Они не летают. Должно быть, приехали на автомобиле с трейлером и пекли всю дорогу. – Пибоди улыбнулась. – Разве они не чудо?

– Да, но скажи им, чтобы они не приносили сладости каждый раз, когда приедут тебя повидать. Кончится тем, что у нас появится куча разжиревших неповоротливых детективов.

– Я прихватила для вас парочку. – Пибоди протянула ей печенья, которые держала за спиной. – Вернусь через пару часов – как только их устрою.

– Я же сказала – ты свободна до конца дня.

– Спасибо. Знаете... – Пибоди оглянулась и закрыла за собой дверь кабинета. – Я должна вам кое-что сообщить насчет моей матери. У нее есть способность заставлять других делать и говорить то, чего они не хотят, – иногда даже лепетать, как ребенок.

– Я не буду лепетать! Со мной такие штуки не пройдут!

– Будете, – обреченно отозвалась Пибоди. – Я очень люблю маму, но что есть, то есть. Ей достаточно посмотреть на человека – и она все о нем знает.

Ева нахмурилась:

– Она экстрасенс?

– Нет. Экстрасенс – отец, но он никогда не вторгается в чью-либо личную жизнь. Мама – другое дело. Материнство всегда что-то делает с женщиной, но у нее эти качества развиты в стократном размере. Мама все видит, все знает и всем управляет. Причем другие, как правило, этого просто не замечают. Ведь вы пригласили их на обед, хотя никогда этого не делаете.

– Делаю!

– Не вы, а Рорк. Вы могли сказать, что заняты, или предложить пообедать в ресторане, но мама хотела прийти к вам домой – и вы их пригласили.

Ева устало опустилась на стул:

– Я просто была вежлива.

– Нет. – Пибоди покачала головой. – Даже вы бессильны перед маминым взглядом. Я считаю, что должна вас предупредить.

– Катись отсюда, Пибоди!

– Есть, лейтенант. – Пибоди задержалась у двери. – Вечером у меня свидание с Макнабом... Ничего, если я и его приглашу к вам обедать? Таким образом он познакомится с

родителями самым естественным способом.

Ева стиснула голову руками:

– Господи!

– Еще раз спасибо. Увидимся вечером.

Оставшись в одиночестве, Ева нахмурилась. Потом вздохнула и съела печенье.

* * *

– Они перекрасили мой кабинет и снова украли мои конфеты! – Ева ходила взад-вперед по бесценному восточному ковру среди хрусталя и антиквариата. Рорк вернулся домой только что, поэтому в течение последнего часа ей было некому пожаловаться. – А Пибоди в мое отсутствие закончила всю бумажную работу, так что мне было абсолютно нечего делать.

– Ей должно быть стыдно. Подумать только, твоя помощница возится с бумагами у тебя за спиной!

– Лучше не остри, потому что тебе предстоит кое-что объяснить.

Рорк вытянул ноги, скрестив лодыжки.

– Ага! Ну и как же Пибоди и Макнабу понравился Бимини?

– Ты у нас настоящий благодетель, верно? Отправил их на остров, чтобы они могли там бегать голышом и скользить по искусственному водопаду.

– Значит, они хорошо провели время, – усмехнулся Рорк.

– Ну, еще бы! Кровать размером с Сатурн, – пробормотала Ева. – Голые обезьянки...

– Что-что?

Она покачала головой:

– Ты должен прекратить вмешиваться в их... в то, чем они занимаются.

– Может быть, и прекращу, – лениво отозвался Рорк. – Когда ты прекратишь относиться к их связи, как к какому-то жупелу.

– Жупелу? – Ева с раздражением провела рукой по волосам. – Я не могу так к этому относиться, потому что даже не знаю, что такое жупел. Пойми же, они копы...

– Копы тоже имеют право на жизнь, – перебил Рорк. – Как и все остальные. Расслабьтесь, лейтенант. У нашей Пибоди есть голова на плечах.

Фыркнув, Ева опустила на стул.

– Жупел! Возможно, такого слова и вовсе нет, а если есть, то оно на редкость глупое. Между прочим, сегодня утром я поручила ей самостоятельно вести дело.

Протянув руку, Рорк стал перебирать пальцы Евы, которыми она только что нервно постукивала по колену.

– Ты не говорила, что у тебя появилось новое дело.

– Оно не новое. Я выудила его из архива. Шесть лет назад погибла молодая красивая женщина. Муж, вернувшись из поездки, обнаружил ее мертвой в ванне. Убийство, сквер-

но замаскированное под самоубийство или несчастный случай. У мужа надежное алиби, и он остался вне подозрений. Все опрошенные утверждали, что они были счастливой парой. Но в ящике с нижним бельем жертвы найдены весьма откровенные сексуальные письма, подписанные инициалом С.

– Внебрачная связь, ссора любовников и убийство?

– Так решил следователь.

– Но не ты?

– Понимаешь, никто никогда не видел этого человека; никто из знакомых жертвы не слышал, чтобы она о нем упоминала. Я приходила повидать мужа и познакомилась с его второй женой и ребенком – девочкой около двух лет.

– Следовало ожидать, что после периода траура он начнет новую жизнь.

– Безусловно, – согласилась Ева.

– Не то чтобы это относилось ко мне... При аналогичных обстоятельствах я был бы сломлен навсегда!

Она бросила на него скептический взгляд:

– Неужели?

– Естественно. Теперь ты должна сказать, что тоже не мыслишь жизни без меня.

– Еще бы! – Ева засмеялась, когда Рорк легонько укусил ее пальцы. – Поэтому давай вернемся к действительности. Думаю, я знаю, как это произошло. Остается только пару раз надавить кое на кого – и дело будет закрыто.

– Но вместо надавливания ты передала дело Пибоди?

– Ей нужно набираться опыта. Торопиться ей уже не придется – Марше Стиббс уже все равно. А если Пибоди пойдет по неверному следу, я ее поправлю.

– Должно быть, она в восторге?

– Конечно. Глаза просто сияют.

Рорк улыбнулся:

– Ты помнишь, какое первое дело поручил тебе Фини?

– Конечно: дело Томаса Картера. Однажды утром он сел в свой седан, завел его, и машина взорвалась, разнеся его куски по всему Вест-Сайду. Картер был женат, имел двоих детей и работал страховым агентом. Ни любовниц, ни врагов, ни серьезных пороков. Мотив не выявили. Дело застопорилось, Фини раскопал его и передал мне.

– Ну?

– Оказалось, что киллер прикончил не того, кого ему заказали. Целью был не тот Томас Картер, а его тезка – второразрядный наркодилер с пристрастием к азартным играм. – Ева покосилась на усмехающегося Рорка. – Я прекрасно помню, что испытывала, когда раскрыла первое дело.

– Ты хороший инструктор, Ева, и хороший друг.

– Дружба тут ни при чем. Если бы я не думала, что Пибоди в состоянии справиться с этим делом, то никогда бы ей его не поручила.

– Это обязанность наставника. А дружеские обязанности тебе придется выполнять вскоре.

– Обед! – простонала Ева. – Господи, что мы будем с ними делать, когда поедем?

– Беседовать. Общаться. У многих людей это вошло в каждодневную привычку.

– Да, но некоторые так назойливы. Впрочем, я думаю, родители Пибоди тебе понравятся. Я тебе говорила, что, когда вернулась в управление, они угощали детективов печеньем и пирогом?

– Пирогом? Каким?

– Не знаю. К моему появлению от него почти ничего не осталось. Но печенье было потрясающее. А потом Пибоди пошла со мной в кабинет и предупредила насчет сверхъестественных способностей своей матери.

Теперь Рорк перебирал волосы Евы.

– А я-то думал, они хорошо ладят.

– Вроде бы да. Но Пибоди сочла своим долгом меня предостеречь. Конечно, дело не в мормонских штучках насчет людей, приносящих несчастье. Просто Пибоди утверждает, что ее мать может заставить людей делать и говорить то, чего они не хотят. По мнению Пибоди, я пригласила их на обед только под действием взгляда ее матери.

Заинтригованный, Рорк склонил голову набок.

– Сила внушения?

– Пибоди утверждает, что это качество свойственно любой матери, но ее мать наделена им сверх меры. Для меня это бессмыслица.

– Ну, мы оба не слишком разбираемся в таких вещах. А так как она не наша мать, то, думаю, нам ее способности не угрожают.

– Я и не беспокоюсь – просто передаю тебе предупреждение.

Соммерсет – дворецкий Рорка и несчастье всей жизни Евы – появился в дверях; его тощая физиономия выражала неодобрение.

– Это кофейный столик в стиле чиппендейл, лейтенант, а не скамеечка для ног.

– Соммерсет, как вам удастся ходить с палкой в заднице? – осведомилась Ева, оставляя ноги на прежнем месте. – Это больно или, напротив, приятно стимулирует?

– Ваши гости прибыли, – сообщил он, скривив губы.

– Спасибо, Соммерсет. – Рорк поднялся. – Закуски подайте сюда.

Он протянул руку Еве, но она дождалась, пока дворецкий выйдет, прежде чем опустить ноги на пол.

– В интересах сохранения дружественной атмосферы, – начал Рорк, когда они двинулись к прихожей, – не могла бы ты не упоминать о палке до конца вечера?

– О'кей. Если он будет меня доставать, я просто вытащу из него эту палку и огрею его по башке.

– Это было бы увлекательное зрелище.

Соммерсет уже открыл дверь, и Сэм Пибоди дружески тряс ему руку.

– Рад с вами познакомиться. Благодарим за прием. Я Сэм, а это Фиби. Вы Соммерсет, верно? Делия рассказывала нам, что вы в доме всем заправляете.

– Совершенно верно, – отозвался дворецкий, кланяясь Фиби. – Позвольте взять ваши вещи.

– Нет, благодарю вас. – Фиби крепче вцепилась в коробку, которую держала в руках. – У вас очень красивый сад. Не ожидаешь увидеть такое в центре города.

– Да, мы им вполне довольны.

– Привет! – Фиби улыбнулась Еве, пока Соммерсет закрыл парадную дверь. – А вот и Рорк! Ты была права, Делия, – он потрясающе хорош собой.

– Мама! – Пибоди густо покраснела.

– Благодарю вас. – Рорк поднес к губам руку Фиби. – Этот комплимент я могу вернуть вам, Фиби. – Он пожал руку Сэму: – У вас очаровательная дочь.

– Нам она тоже нравится. – Сэм положил руку на плечо жены.

– Пожалуйста, входите. Будьте как дома.

«Как у него это ловко получается!» – думала Ева, пока Рорк устраивал семейство Пибоди в большой гостиной. Вскоре все уже держали в руках стаканы с напитками и слушали рассказы Рорка о находящихся в комнате произведениях искусства.

Покуда он занимался Пибоди, Ева переключила внимание на Макнаба. Детектив из электронного отдела облачился

в наряд, который, очевидно, считал наиболее консервативным. Рубашка и свободные легкие брюки василькового цвета, высокие, доходящие до лодыжек ботинки. Мочку левого уха украшали крошечные золотые колечки. Длинные волосы были зачесаны назад и собраны в «конский хвост». Смазливая физиономия имела цвет вареного омара.

– Вы, видно, забыли крем от загара, Макнаб? – осведомилась Ева.

– Только один раз не намазался, и вот – пожалуйста. – Он закатил глаза. – Видели бы вы мою задницу!

– Ну уж нет! – Ева глотнула вина. – Как-нибудь обойдусь.

– Это я просто так, чтобы поддержать разговор. Я, признаться, немного нервничаю. – Макнаб покосился на отца Пибоди. – Мне нелегко с ним беседовать, он ведь знает, что я трахаюсь с его дочерью. К тому же он экстрасенс, поэтому, если я подумаю о том, как трахаю Пибоди, он сразу будет об этом знать.

– Ну так не думайте об этом.

– Не могу, – усмехнулся Макнаб. – Я ведь мужчина.

Ева окинула скептическим взглядом его наряд.

– Об этом ходят разные слухи.

– Прошу прощения. – Фиби коснулась руки Евы. – Мы с Сэмом хотим вручить вам и Рорку наш подарок. – Она протянула Еве коробку. – За ваше дружеское и великодушное отношение к двум нашим детям!

– Спасибо...

Еву всегда смущали подарки. Даже прожив больше года с Рорком, который часто делал ей подарки, она толком не знала, как их принимать. Возможно, причина была в том, что большую часть жизни ее никто не любил настолько, чтобы дарить ей подарки.

Поставив на стол коробку, Ева развязала простую бечевку, сняла обертку и открыла крышку. Внутри лежали два изящных подсвечника из зеленого камня с пурпурными крапинками.

– Какие красивые!

– Этот камень называется флюорит, – объяснил ей Сэм. – Он способствует очищению ауры, душевному покою и ясности мышления. Мы решили, что, так как вы оба занимаетесь трудными и ответственными делами, такой камень вам подойдет лучше всего.

– Удивительная работа. – Рорк поднял один подсвечник. – Ваша?

Фиби ослепительно улыбнулась:

– Мы делали их вместе.

– Тогда они ценны вдвойне. Большое спасибо. Вы продаете ваши изделия?

– Иногда, – ответил Сэм. – Мы предпочитаем их дарить.

– Я продаю, когда в этом есть надобность, – вставила Фиби. – Сэм слишком сентиментален, а я более практична.

– Прошу прощения. – Соммерсет снова появился в дверях. – Обед подан.

Все оказалось куда проще, чем думала Ева. Родители Пибоди были славными людьми и интересными собеседниками. А их гордость за дочь казалась настолько очевидной, что было невозможно не испытывать к ним симпатии.

– Конечно, мы беспокоились, когда Делия сообщила нам о своих планах, – сказала Фиби, принимаясь за бисквит. – Опасная профессия в опасном городе. – Она улыбнулась дочери. – Но мы понимали, что это ее призвание, и верили, что Делия справится.

– Она хороший коп, – кивнула Ева.

– А что такое хороший коп? – Увидев, что Ева нахмурилась, Фиби пояснила: – Я имею в виду, каково ваше определение хорошего копа?

– Это полицейский, который уважает свой жетон и то, что он символизирует.

– Понимаю, – одобрительно кивнула Фиби.

Ее темные глаза встретились с глазами Евы, и под этим спокойным пронизательным взглядом Ева с трудом удержалась от желания поерзать на стуле. Ей казалось, что Фиби могла бы отлично проводить допросы.

– Каждый должен уважать свое дело. – Фиби подняла бокал и сделала глоток. – Для одних это молитва, для других искусство, для третьих коммерция. А для некоторых – закон. Люди часто думают, что мормоны не верят в земные законы, но это не так. Мы верим в порядок и в право личности стремиться к счастью, не причиняя вреда другим. Тот, кто

отстаивает закон, защищает тех, кому причинили зло.

– Лишение человека жизни оставляет дыру в мироздании. – Сэм положил ладонь на руку жены. – Делия нечасто рассказывает нам о своей работе, но она говорила, что вы преданы своему делу.

– Это моя профессия.

– Вижу, мы вас смущаем. – Фиби снова подняла бокал с вином. – Пожалуй, стоит переменить тему. У вас очаровательный дом. – Она повернулась к Рорку: – Надеюсь, после обеда вы проведете с нами экскурсию?

– Для этого потребуется от шести до восьми месяцев, – пробормотала Ева.

– Моя жена утверждает, что здесь есть комнаты, о существовании которых мы даже не догадываемся, – заметил Рорк.

– Прошу прощения. – Соммерсет возник снова. – Вам звонят, лейтенант.

– Я на минуту. – Ева встала и быстро вышла.

Когда она вернулась, один взгляд на ее лицо дал Рорку понять, что остаток вечера ему придется развлекать гостей в одиночестве.

– Пошли, Пибоди. Очень сожалею. – Ева окинула взглядом сидящих за столом. – Нам нужно идти.

– Мне с вами, лейтенант? – спросил Макнаб.

– Да, вы можете понадобиться. Прошу прощения, – снова извинилась Ева.

– Не беспокойся. – Рорк поднялся и провел пальцем по ее щеке. – Будьте осторожны, лейтенант.

– Постараюсь.

– Вот так всегда, – вздохнул Рорк, оставшись наедине с Фиби и Сэмом. – Издержки профессии.

– Кто-то умер, – промолвил Сэм.

– Да, кто-то умер. И теперь они будут работать ради тех, кому причинили зло.

3

В день своего рождения Уолтер С. Петтибоун вернулся домой ровно в половине восьмого. Несколько десятков друзей и коллег крикнули в унисон: «Сюрприз!» – в тот момент, когда он шагнул через порог.

Но не это убило его.

Петтибоун улыбнулся, шутливо пожурил жену за то, что она его разыграла, и тепло приветствовал гостей. К восьми вечеринка уже была в разгаре, и Уолтер с аппетитом поглощал перепелиные яйца, икру, копченую лососину, мясной рулет со шпинатом и прочие праздничные яства.

Но его убило и не это.

Петтибоун танцевал со своей женой, обнимал детей и смахнул украдкой слезу, слушая сентиментальный тост сына. Без четверти девять, обняв жену за талию, он поднял бокал шампанского, попросил у гостей внимания и произнес краткую, но прочувствованную речь об итоге человеческой жизни и о радостях, которые дарят друзья и семья.

– За вас, мои дорогие друзья, пришедшие поздравить меня в этот день! – закончил он взволнованно. – За моих детей, которыми я горжусь и которые радуют меня постоянно. И за мою красавицу жену, которая заставляет меня благодарить господу за каждый прожитый день.

Раздался гром аплодисментов. Уолтер поднес бокал к гу-

бам и сделал большой глоток.

Именно это и убило его.

Задыхаясь, Петтибоун выпучил глаза и схватился за воротник рубашки. Его жена испуганно вскрикнула, а сын начал энергично хлопать его по спине. Пошатнувшись, Уолтер устремился к гостям, опрокинул несколько человек, как кегли, и рухнул на пол, конвульсивно дергаясь.

Один из гостей, врач, бросился к нему на помощь. Вызвали «Скорую», которая прибыла через пять минут, но Уолтер Петтибоун был уже мертв.

Цианид в его бокале стал очередным сюрпризом ко дню рождения.

Ева внимательно изучала синеву вокруг рта Петтибоуна, его испуганно выпученные глаза, чувствуя отчетливый запах жженого миндаля. Петтибоун лежал на диване в расстегнутой рубашке, куда его перенесли, тщетно пытаясь привести в чувство. На полу валялись осколки стекла и фарфора. В комнате пахло цветами, вином, креветками – и смертью.

«Уолтер С. Петтибоун пришел в этот мир и покинул его в один и тот же день одного и того же месяца, – думала Ева. – Любопытное совпадение, хотя большинство людей предпочло бы его избежать».

– Я хочу поговорить с врачом, который первым пытался ему помочь, – сказала она Пибоди и окинула взглядом пол. – Нужно собрать все осколки и проверить, что здесь разбилось. Никого из дома не выпускать – ни гостей, ни прислугу.

Макнаб, запишите имена и адреса. Членов семьи – отдельно.

– Похоже, народу собралось тьма, – заметил Макнаб, отходя в сторону.

– Лейтенант, это доктор Питер Вэнс.

Пибоди подвела к Еве мужчину среднего роста, с короткими волосами и светлой бородой. В его глазах, устремленных на тело Уолтера Петтибоуна, Ева видела недоумение и сочувствие.

– Он был хорошим человеком, – проговорил доктор с британским акцентом. – И отличным другом.

– Однако кто-то из присутствующих не относился к нему по-дружески, – заметила Ева. – Вы сразу определили, что он отравлен, и велели медикам из «неотложки» уведомить полицию?

– Да. Признаки были очевидны, и смерть наступила моментально. – Доктор перевел взгляд на Еву. – Я хотел бы верить, что произошел несчастный случай – какая-то ужасная ошибка, но это не так. Уолтер как раз закончил произносить прочувствованный тост и стоял, обнимая жену, рядом с сыном, дочерью, невесткой и зятем, с улыбкой на лице и слезами на глазах. Мы поаплодировали, он выпил и сразу же задохнулся, а потом свалился на пол в судорогах. Все было кончено через пару минут. Помочь ему уже никто не мог.

– Где он взял свой бокал?

– Не могу сказать. Официанты разносили шампанское. Другие напитки можно было взять в баре. Большинство го-

стей пришло около семи – Бэмби настаивала, чтобы к возвращению Уолта все были в сборе.

– Бэмби?

– Его жена, – объяснил Вэнс. – Вторая жена. Они поженились около года тому назад. Она уже несколько недель готовила этот сюрприз, хотя не сомневаюсь, что для Уолта это не было сюрпризом. Видите ли, Бэмби не назовешь умной женщиной... Но Уолт, разумеется, притворился удивленным.

– Когда именно он пришел домой?

– Ровно в половине восьмого. Мы все закричали: «Сюрприз!» – согласно указаниям Бэмби. Было много смеха, а потом все опять начали есть и пить. Уолт подходил к гостям, шутил... Потом его сын произнес тост, и все снова выпили. – Вэнс вздохнул. – По-моему, Уолтер пил шампанское. Жаль, что я не обратил особого внимания.

– Но вы видели, как он пил в тот раз?

– Вроде бы да. – Вэнс закрыл глаза, словно вспоминая. – Не могу себе представить, чтобы Уолт не выпил после тоста сына. Он обожал своих детей. Кажется, перед своим тостом Уолт взял другой полный бокал. Но я не уверен, взял ли он его с подноса или кто-то передал ему.

– Вы были друзьями?

Лицо врача снова омрачилось.

– Близкими друзьями.

– В связи с его новым браком были какие-нибудь проблемы?

Вэнс покачал головой:

– Он был счастлив. Откровенно говоря, многие из нас были озадачены, когда Уолт женился на Бэмби. Он прожил с Шелли больше тридцати лет – их развод был достаточно мирным, – и в течение полугода у него был роман с Бэмби. Некоторые думали, что это всего лишь каприз, связанный с возрастом, но дело закончилось браком.

– А его первая жена была здесь сегодня вечером?

– Нет. Их отношения все-таки не настолько идеальные.

– Вы знаете кого-нибудь, кто бы мог желать ему смерти?

– Абсолютно никого! – Вэнс беспомощно развел руками. –

Конечно, фраза «У него не было врагов» стала расхожим штампом, лейтенант Даллас, но именно это я могу сказать об Уолте. Люди любили его. Он был прекрасным отцом, щедрым работодателем и доброжелательным человеком.

«И весьма состоятельным, – подумала Ева, отпустив доктора. – Богатым человеком, который бросил первую жену ради более молодой и соблазнительной. А так как люди не приносят с собой на вечеринку цианид без причины, кто-то явился сюда с определенной целью – убить Петтибоуна».

Ева побеседовала со второй женой в ее гостиной, расположенной рядом со спальней. Комнату освещала лишь одна лампа под полосатым абажуром – окна были прикрыты плотными розовыми порттьерами. Здесь вообще все было белым и розовым. «Как начинка приторного пирожного», – подумала Ева. Горы подушек, армия безделушек – и удушливый

запах роз.

Среди этого дамского великолепия сидела Бэмби Петтибоун, откинувшись на розовую атласную спинку кресла. Ее тщательно завитые волосы были того же конфетно-розового цвета, очень подходящего к ее кукольному личику. Мерцающее розовое платье с низким вырезом оставляло бы одну грудь полностью обнаженной, если бы не полоска ткани, украшенная пышным цветком розы.

Большие голубые глаза Бэмби блестели от слез, струившихся по щекам. Лицо ее говорило о наивной невинности, хотя тело было вполне зрелым и роскошным. На коленях у женщины лежал пушистый белый шар.

– Миссис Петтибоун?

Бэмби издала какой-то булькающий звук и уткнулась лицом в белый шар. Когда шар тявкнул, Ева поняла, что это собачонка диковинной породы.

– Я лейтенант Даллас из Нью-Йоркского полицейского департамента. Это моя помощница, сержант Пибоди. Я очень вам сочувствую по поводу вашей утраты...

– Бони умер. Мой милый Бони...

Бони и Бэмби! Во всем этом Ева ощущала какую-то фальшь. Оглядевшись вокруг, она поняла, что у нее нет иного выбора, как сесть на нечто воздушное и розовое.

– Я знаю, что вам сейчас очень тяжело. Но мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Я просто хотела устроить для него вечеринку по случаю

дня рождения. Все пришли. Мы прекрасно проводили время. Он даже не успел развернуть подарки...

Она всхлипнула, а пушистый шар у нее на коленях высунил розовый язычок и лизнул ее в лицо.

– Миссис Петтибоун, могу я узнать ваше настоящее имя для протокола?

– Меня зовут Бэмби.

– В самом деле? Ладно, допустим. Вы стояли рядом с вашим мужем, когда он упал?

– Бони говорил обо всех такие приятные слова. Ему понравилась вечеринка. – Бэмби умоляюще посмотрела на Еву. – Он ведь был счастлив, когда... это произошло?

– Надеюсь, что так. Вы не обратили внимания, кто подал ему шампанское?

– Бони любил шампанское. – Последовал сентиментальный вздох. – Это было его любимое. Мы все заказали у поставщиков. Я предупредила мистера Марки, что его официанты должны подавать шампанское и канапе в нужное время. Мне хотелось сделать все как можно лучше для моего милого Бони. А потом ему вдруг стало плохо. Если бы я знала, что он болен, мы бы не стали устраивать прием. Но когда он уходил утром, с ним было все в порядке!

– Миссис Петтибоун, вы понимаете, что случилось с вашим мужем?

Она снова зарылась лицом в шарообразную собачонку.

– Он заболел. Питер не сумел ему помочь.

– Миссис Петтибоун, мы предполагаем, что причиной смерти вашего мужа было шампанское. Где он взял бокал, который выпил, прежде чем ему стало плохо?

– Наверное, у девушки. – Бэмби озадаченно смотрела на Еву. – А почему ему должно было стать плохо от шампанского? Раньше такого никогда не было.

– У какой девушки?

– У какой девушки? – недоуменно повторила Бэмби.

«Терпение!» – сказала себе Ева.

– Вы только что сказали, что девушка подала мистеру Петтибоуну шампанское.

– Ах да! Это одна из официанток. – Бэмби прижала к себе собачонку. – Она подала Бони полный бокал, чтобы он мог произнести тост.

– Он взял бокал с ее подноса?

– Нет. – Бэмби поджала губы. – Кажется, девушка сама подала ему бокал и вежливо поздравила с днем рождения.

– Вы знаете эту девушку? Когда-нибудь нанимали ее раньше?

– Я обращаюсь к мистеру Марки, а он присылает официантов. На него во всем можно положиться. Он просто волшебник!

– Как она выглядела?

– Кто?

«Боже, дай мне сил не наорать на эту идиотку!»

– Официантка, Бэмби. Девушка, которая подала Бони бо-

кал шампанского.

– Не знаю. Никто ведь не обращает внимания на официантов. – Подумав, она добавила: – Вроде бы аккуратная. Мистер Марки требует от своих подчиненных, чтобы они выглядели опрятно.

– Она была старая или молодая? Высокая или низенькая?

– Понятия не имею. Все официантки выглядят одинаково.

– Ваш муж говорил с ней?

– Он сказал: «Благодарю вас». Бони был очень вежливый.

– Вам не показалось, что он ее узнал? Официантку, – поспешно уточнила Ева, видя, что Бэмби собирается спросить, кого именно.

– А почему он должен был узнать ее?

«Она действительно дура, – решила Ева. – Так изображать идиотизм просто невозможно».

– Хорошо. Вы знаете кого-нибудь, кто желал зла вашему мужу?

– Бони все любили. Вам бы он тоже понравился, я уверена.

– А вы любили Бони, когда он состоял в браке с первой женой?

Ее глаза стали круглыми.

– Мы никогда никого не обманывали! Бони даже не поцеловал меня ни разу до развода. Он был настоящий джентльмен.

– Как вы с ним познакомились?

– Я работала в одном из его цветочных магазинов на Мэ-

диссон-авеню. Бони иногда заходил туда взглянуть на ассортимент и поговорить с нами. Со мной, – добавила Бэмби с жалкой улыбкой. – Однажды он пришел, когда я уже собиралась уходить, и предложил проводить меня домой. По дороге Бони рассказал, что разводится с женой, и спросил, не схожу ли я с ним как-нибудь на ланч. Я подумала, не подкатывается ли он ко мне, – знаете, мужчины часто говорят, что оставляют жену, чтобы затащить вас в постель. Но я не глупа.

«Да, это уж точно, – подумала Ева. – «Глупа» – слишком мягкое определение».

– Я сразу поняла, что Бони не такой. Он никогда не пытался ко мне приставать. – Она вздохнула и потерлась щекой о собачий мех. – Бони был романтиком. После развода мы стали встречаться – он водил меня в разные интересные места, но по-прежнему ничего лишнего себе не позволял. В конце концов я сама его подтолкнула – он был такой красивый, что я просто не выдержала. А потом Бони предложил мне выйти за него замуж.

– Его первую жену это не огорчило?

– Может быть. Какая бы женщина не расстроилась на ее месте? Но она держалась очень вежливо, и Бони никогда не говорил о ней ничего плохого.

– А его дети?

– Ну, не думаю, что я им сразу пришлась по душе. Но Бони сказал, что раз он меня любит, так и они полюбят тоже. Во всяком случае, мы никогда не ссорились.

– Большая счастливая семья, – сказала Ева, когда они вышли из комнаты Бэмби. – Все друг друга любят, а Петтибоун просто душа.

– Зато жена полная идиотка, – заметила Пибоди.

– Однако ей хватило ума подцепить на крючок богатого мужа, а может быть, и добавить кое-что ему в шампанское. – Ева задержалась на лестничной площадке. – Впрочем, нужен не только ум, но и железные нервы, чтобы сделать это, стоя рядом с ним в комнате, полной свидетелей. Конечно, мы покопаемся в ее прошлом и посмотрим, сколько в этой карамельке подлинного, а сколько притворного. Любой человек, который живет среди такого количества розового, вызывает у меня подозрение.

– А я думала, это такой прикид в стиле «Мне нравится быть девушкой».

– Иногда ты пугаешь меня, Пибоди. Для начала наведи о ней справки по обычным каналам. Надо же – Бэмби! – Ева начала спускаться. – Люди, которые называют так свою дочь, должны знать, что она вырастет пустышкой. А теперь нам нужно заняться мистером Марки. Где он сейчас?

– Мы отвели его вместе с его подчиненными в кухню.

– Отлично. Давай выясним, которая из официанток пода-ла Петтибоуну шампанское и поздравила его с днем рожде-

ния.

У дверей кухни к ним подбежал Макнаб:

– Прибыл медэксперт, Даллас! Он согласен с врачом, который оказался на месте происшествия. Говорит, что это наверняка отравление, но не может делать официальных заявлений, пока жмурика не доставят в мертвецкую и не выпотрошат.

– Благодарю за колоритный рапорт, детектив. Передайте медэксперту, что мне нужно как можно скорее получить подтверждение причины смерти. А сами проверьте входящие и исходящие звонки по всем телефонам в доме за последние двадцать четыре часа.

– Слушаюсь, лейтенант. – Прежде чем отойти, он умудрился шлепнуть Пибоди.

– Если твои родители будут жить у тебя, тебе на какое-то время придется перестать тискаться с Макнабом, – заметила Ева.

– Они не захотели остановиться у меня – сказали, что не желают меня стеснять, так как моя квартира слишком мала. Я не смогла их переубедить. Они собираются ночевать в своем трейлере. Я сказала им, что городские власти это запрещают, но они только отмахнулись.

– Устрой родителей в отеле, Пибоди, пока какой-нибудь патрульный не отправил их в участок.

– Я займусь этим, как только мы вернемся.

В просторном помещении кухни, сверкающем металлом

и кафелем, царил хаос. На столах стояли блюда с десертом, который так и не подали гостям; повсюду громоздились горы тарелок и пирамиды стаканов. Ева насчитала восемь официантов в униформах, нервно переговаривающихся в углу. Огромным кофейником завладели копы. Один из полицейских налегал на пирожные, а другой пасся у тележки с фруктами.

При появлении Евы в кухне воцарилось молчание.

– Коллеги, если вы в состоянии оторваться от вашего «шведского стола», займите места снаружи обоих выходов из кухни. Так как причина смерти еще не объявлена официально, я напоминаю, что вы поглощаете улики. В случае необходимости я прикажу вскрыть вам животы, чтобы извлечь их.

– С моей пищей все в порядке. – Невысокий мужчина с оливковым цветом лица, выбритой головой, сверкающей, как ледяной каток, и в фартуке поверх черного костюма шагнул вперед.

– Вы Марки?

– Мистер Марки, – поправил он с холодным достоинством. – Я хочу знать, что происходит. Нам велели оставаться тут, ничего не объяснив. Если вы здесь командуете...

– Да, я – лейтенант Даллас. А случилось вот что: Уолтер Петтибоун внезапно умер, и я должна выяснить причину.

– Ну, лейтенант Даллас, могу вас заверить, что причиной смерти мистера Петтибоуна не может являться одно из моих блюд. Я не желаю, чтобы о моем бизнесе распространялись

дурные слухи. У меня безупречная репутация, и я...

– Успокойтесь, мистер Марки, вас никто ни в чем не обвиняет. А сейчас я хочу поговорить с вашими подчиненными. – Ева повернулась к официантам: – Кто из вас обслуживал мистера Петтибоуна перед его тостом?

– Никто. Мы как раз говорили об этом, – отозвалась привлекательная женщина-азиатка.

Ева посмотрела на нее:

– Как вас зовут?

– Син Ю. Когда это произошло, я была в дальнем конце столовой, подавала гостям шампанское перед тостом мистера Петтибоуна. А Чарли... – Она постучала по плечу стоящего рядом худощавого негра. – Разносил пирожки с крабами.

Еще один официант поднял руку:

– Я работал в баре на террасе. Меня зовут Роберт Маклин. А Лори обслуживала там гостей. Мы не покидали террасу, пока не слышали крики.

– Я был на кухне, – заговорил другой мужчина. – Мое имя Дон Кламп. Помните, мистер Марки? Мы с вами были здесь, когда поднялся шум.

– Верно, – кивнул Марки. – Я только что отправил Чарли в столовую с крабовыми пирожками и велел Дону подавать грибы под соусом. Гвен вернулась с пустыми бокалами, и тут мы слышали крики.

– У меня есть свидетель, который утверждает, что одна из

ваших официанток подала мистериу Петтибоуну бокал шампанского перед тем, как он начал произносить свой тост.

Все быстро переглянулись.

– Должно быть, это Джули, – снова заговорила Син Ю. – Простите, мистер Марки, но только она могла это сделать – и только ее здесь нет.

– Кто такая Джули и почему ее здесь нет? – осведомилась Ева.

– Мне не нравится, когда мои подчиненные сплетничают друг о друге... – начал Марки.

– Это полицейское расследование! Свидетельские показания – не сплетни, и я ожидаю сотрудничества от вас и вашего персонала. Кто такая Джули? – Ева повернулась к Син Ю.

Марки тяжело вздохнул и похлопал Син Ю по плечу.

– Ладно, она права. Я не сержусь на вас, дорогая. Джули Докпорт, – обратился он к Еве, – работает в моей фирме два месяца. Где она, я не знаю. Должно быть, ускользнула в суматохе после несчастья с мистером Петтибоуном. Во всяком случае, я ее с тех пор не видел. Когда прибыла полиция и велела нам всем пройти на кухню, Джули уже не было.

– На ней тоже была эта форма? – Ева кивнула в сторону официантов в узких черных брюках и крахмальных белых рубашках.

– Да.

– Опишите ее.

– Среднего роста, спортивного телосложения, короткие

рыжие волосы, довольно привлекательная. Около тридцати лет – мне нужно справиться в картотеке, чтобы точно указать возраст.

– Пибоди, постарайся найти Джули Докпорт, а мне нужно поговорить с мистером Марки.

– Да, мэм.

Ева отвела Марки в подсобное помещение при кухне, усадила на табуретку и сама села напротив.

– А теперь расскажите все, что вы знаете об этой женщине.

* * *

Сведений оказалось немного. Основными эпитетами были: «компетентная», «надежная», «отзывчивая».

– Джули сама обратилась с просьбой о приеме на работу, – продолжал Марки. – Ее рекомендации проверили. Она оказалась отличным сотрудником. Очевидно, Джули убежала, так как испугалась происшедшего.

Ева обернулась, когда вошла Пибоди.

– Я не нашла ее в доме, лейтенант.

– Узнай ее адрес. Она нужна мне как можно скорее. – Ева встала и повернулась к Марки: – Вы можете вернуться на кухню и попросите, пожалуйста, ваших сотрудников ничего не трогать. Мы сообщим вам, когда можно будет все забрать.

Сын, дочь, зять и невестка убитого сидели в столовой. Четыре пары покрасневших и распухших от слез глаз устремились на Еву.

Мужчина с густыми, коротко остриженными светлыми волосами и безвольным подбородком поднялся, опираясь рукой на стол. Его губы исчезали почти полностью, когда он скорбно сжимал их.

– Что происходит? Кто вы? Почему никто не отвечает на наши вопросы?

– Уолли, успокойся. – Женщина рядом с ним тоже была блондинкой, но ее взъерошенные волосы имели более яркий оттенок. – Ты только ухудшаешь положение.

– Как его можно ухудшить? – осведомился он. – Мой отец мертв!

– Я лейтенант Даллас, – представилась Ева. – Сочувствую вашей утрате и прошу прощения, что не сразу побеседовала с вами, мистер Петтибоун.

– Уолтер С. Петтибоун Четвертый, – сообщил он. – Моя жена Надин. – Уолтер взял под руку блондинку. – А это моя сестра Шерлин и ее муж, Ноэл Уокер. Почему нас держат здесь? Мы должны быть с моим отцом!

– В данный момент это невозможно. Сядьте, мистер Петтибоун. Полиция делает все возможное, чтобы получить от-

веты на ваши вопросы. Надеюсь, вы согласитесь нам помочь и ответите на мои.

– Что случилось с отцом? – заговорила Шерлин. Это была маленькая брюнетка, которая в других обстоятельствах выглядела бы необычайно хорошенькой, но сейчас ее лицо было залито слезами. – Пожалуйста, объясните нам, что случилось с папой!

– Причина смерти пока не подтверждена.

– Я слышала, как медики из «Скорой» сказали, что он отравлен. – Шерлин повысила голос: – Но это не может быть правдой!

– Мы скоро все узнаем. Нам бы очень помогло, если бы вы рассказали, что каждый из вас делал и где находился, когда мистеру Петтибоуну стало плохо.

– Мы все стояли рядом с ним... – начала Шерлин, но продолжить не смогла – рыдания перехватили ей горло.

Ноэл Уокер взял руку жены и поднес к губам. Ева отметила про себя, что к этому жесту утешения, любви и солидарности часто прибегал Рорк. Еще она заметила, что Ноэл очень красив. Его волнистые, темные, как у жены, волосы обрамляли мужественное лицо. Глаза были умными и пронзительными.

– Уолт произносил тост, – сказал он. – Мой тесть был добрым и сентиментальным человеком. Бэмби стояла справа от него, Шерри – рядом с ней, а я – справа от нее. Уолли стоял слева от отца, а Надин – рядом с ним. Закончив произносить

тост, Уолт выпил шампанское, и мы последовали его примеру. И вдруг он начал задыхаться. Кажется, Уолли хлопал его по спине, а Бэмби схватила за руку, когда он пошатнулся. Уолт потянул себя за воротник, словно он стал слишком тесным, и упал лицом вниз.

Ноэл обернулся к Уолли, как будто за подтверждением.

– Отец тяжело дышал, – заговорил Уолли. – Мы перевернули его на спину. Питер Вэнс – он врач – пробился к нему сквозь толпу. У отца начались судороги, и Питер велел вызывать «Скорую». Надин побежала к телефону.

– Мистер Петтибоун успел что-нибудь сказать?

– Нет, он ничего не сказал – только посмотрел на меня, прежде чем упал. – Голос Надин дрогнул. – Все произошло так быстро...

– Откуда он взял шампанское?

– Думаю, с подноса, – ответил Уолли. – Официанты разносили шампанское с семи часов, когда начали собираться гости.

– Нет. – Шерлин покачала головой. – Шампанское ему передала одна из официанток. Подноса у нее не было – только один бокал. Она забрала у отца почти пустой бокал и дала ему полный, поздравив его с днем рождения.

– Верно, – подтвердил ее муж. – Я обратил на нее внимание – изящная рыжеволосая женщина со сногшибательными зелеными глазами. Я занимаюсь живописью, – объяснил он. – В основном пишу портреты и поэтому сразу замечаю

необычные лица.

– Что она делала, передав ему бокал?

– Дайте подумать... Уолт потребовал всеобщего внимания. Большинство гостей находилось в столовой. Когда он заговорил, все сразу умолкли. Официантка шагнула назад, но не ушла, а осталась послушать тост. По-моему, она улыбалась, словно ее интересовало то, что говорил Уолт. Кажется, я улыбнулся ей, когда Уолт закончил свой тост, но она смотрела только на него. Потом мы все выпили, и я перестал обращать на нее внимание, потому что Уолт начал задыхаться.

– Думаю, я ее видела. – Надин теребила тройную нитку жемчуга на груди. – Когда я побежала вызывать «Скорую», то заметила ее в прихожей.

– Что она делала? – спросила Ева.

– По-моему, шла к выходу.

– Никто из вас не видел ее до сегодняшнего вечера? – Поскольку все, переглянувшись, недоуменно покачали головой, Ева задала следующий вопрос: – Вам что-нибудь говорит имя Джули Докпорт? Может быть, ваш отец упоминал его?

– Никогда не слышал, чтобы он упоминал это имя. – Уолли посмотрел на других членов семьи, которые снова покачали головой.

– Не знаете, мистера Петтибоуна не беспокоило что-нибудь в последнее время? Не было каких-нибудь личных или деловых проблем?

– Он был очень счастлив, – тихо сказала Шерлин.

Отпустив родственников, Ева нахмурилась.

– Счастливый человек, который всеми любим, обычно не погибает от яда в свой день рождения, – пробормотала она. – Под этой благостной картиной что-то кроется, Пибоди.

– Да, сэр. Кстати, полицейские, которые отправились домой к Джули Докпорт, не обнаружили ее там. Соседка сообщила, что она выехала сегодня утром, сказав, что перебирается в Филадельфию.

– Немедленно отправь туда «чистильщиков»! Конечно, они ничего не найдут, но пускай все там прочешут. Похоже, это дело рук профессионала.

4

Хотя Ева вернулась домой во втором часу ночи, она не удивилась, застав Рорка в его кабинете. Он редко спал больше пяти часов и еще реже ложился, не дожидаясь ее возвращения.

Ева знала, что работа стимулирует Рорка куда больше невероятных прибылей, которые приносит ему каждая деловая операция. Его интересы и энергия были направлены на сам процесс – планирование, ведение переговоров, преодоление препятствий.

Хотя Ева часто думала о скупаемых Рорком компаниях, недвижимости, предприятиях и отелях как о его игрушках, она знала, что такой человек относится к своим игрушкам в высшей степени серьезно.

За время их брака Рорку удалось значительно расширить кругозор Евы. Он умудрялся находить время для путешествий, культурно-просветительных мероприятий, светских контактов. Деньги не значили для него ничего, если с их помощью нельзя было получать удовольствие.

Человек, который управлял необъятной империей бизнеса, сидел за компьютером в четверть второго ночи со стаканом виски под рукой и толстым урчащим котом на коленях, засучив рукава, словно какой-нибудь конторский клерк. И Ева не сомневалась, что он наслаждается этим.

– Ты занимаешься делом или развлекаешься?

Рорк обернулся к ней:

– Всего помаленьку. – Он нажал несколько клавиш и откинулся на спинку стула. – СМИ уже пронюхали о твоём убийстве. Жаль Петтибоуна.

– Ты его знал?

– Не очень хорошо. Но достаточно, чтобы понять, что он был проницательным бизнесменом и славным человеком.

– Да, все любили доброго старого Уолта.

– Сообщают, что он скончался у себя дома во время приема по случаю дня его рождения. Нас, кстати, тоже туда приглашали, но так как я не знал, когда и в каком настроении мы вернемся в Нью-Йорк, то отклонил приглашение. Об убийстве не упоминалось, хотя сообщили, что полиция ведет расследование.

– Просто стервятники из СМИ еще не добрались до официального рапорта медэксперта. Я сама только что его получила. Это убийство. Кто-то добавил цианид ему в шампанское. Что ты знаешь о его бывшей жене?

– Очень мало. Кажется, они были женаты много лет и развелись без скандала. Вскоре он женился снова на какой-то юной красотке. Некоторые качали головами, но сплетни быстро заглохли. Уолтер был для них неподходящей мишенью.

Ева села, вытянув ноги. Когда она протянула руку, чтобы погладить Галахада, кот заворчал, выгнув спину, прыгнул

на пол и удалился.

– Он все еще не может простить, что мы не взяли его с собой, – усмехнулся Рорк. – Мы с ним уже помирились, но на тебя он, похоже, затаил злобу.

– Маленький гаденыш!

– Ругань делу не поможет. Попробуй использовать свежеего тунца – этот способ творит чудеса.

– Не стану я подкупать какого-то паршивого кота! – Ева повысила голос, надеясь, что Галахад ее слышит. – Если он не желает, чтобы я к нему прикасалась, черт с ним. Он дождется того, что... – Она оборвала фразу. – Господи, о чем мы говорили? Ах да, о Петтибоуне. Как видишь, он оказался вполне подходящей мишенью для убийцы. И, судя по всему, для профессионала.

– Для профессионала? – Рорк поднял бровь. – Почему ты так решила?

– Женщина устраивается на работу в фирму, которая поставляет продукты и обслуживает домашние вечеринки и банкеты. Она подносит виновнику торжества роковой бокал шампанского – вручает ему лично, сопровождая это поздравлением, отходит в сторону, но остается в комнате, пока он произносит тост и пьет. Когда он падает на пол, она выходит из дома и исчезает!

Рорк молча встал, налил Еве в бокал вина и сел на подлокотник ее кресла.

– Спасибо. Я послала «чистильщиков» к ней на квартиру,

которую она сняла за два дня до устройства на работу и откуда выехала сегодня утром. По словам соседей, она там почти не бывала. Никаких отпечатков и следов – ни одного волоска! Она провела полную санобработку. Я тоже съездила туда. Маленькая однокомнатная квартирка за низкую плату, с очень скверной системой безопасности. Но она успела вставить надежные замки.

– А ты говорила с этой... как ее?.. Такое игрушечное имя...

– С Бэмби? Говорила. Кажется, у нее в голове мозгов не больше, чем у капусты, но мы ею займемся. Первую жену тоже не следует упускать из виду. Легко затаить злобу, когда муж, с которым ты прожила тридцать лет, выкидывает тебя за ненадобностью.

– Постараюсь это учесть.

– Я не нанимаю убийц, – усмехнулась Ева. – В случае чего я прикончу тебя собственноручно.

– Благодарю, дорогая. – Наклонившись, Рорк поцеловал ее в макушку. – Приятно сознавать, что такое важное дело ты не поручишь постороннему.

– Утром я проверю первую миссис Петтибоун. Если она наняла убийцу, то через нее можно будет выйти на эту Джули Докпорт.

– Интересно. Профессиональная убийца выбирает в качестве псевдонима название тюрьмы.

Ева застыла с бокалом в руке.

– Что-что?

– Докпортский реабилитационный центр. Один мой старый знакомый провел некоторое время в этом учреждении, – отозвался Рорк, играя волосами Евы. – По-моему, это в Иллинойсе, а может быть, в Индиане. Где-то на Среднем Западе.

– Подожди минутку! Докпортская тюрьма... – Поднявшись, Ева прижала пальцы к вискам. – Джули... Нет, не Джули... Джулианна! Джулианна Данн. Это было давно – я только получила тогда свой жетон. Она отравила своего мужа – он был управляющим крупного благотворительного фонда в Нью-Йорке. Я занималась этим делом. Ловкая особа – до того она успела отправить на тот свет еще двух мужей; одного в Вашингтоне, другого в Чикаго. Я работала совместно с Чикагским полицейским департаментом, и нам удалось до нее добраться. Она охмуряла богача, выходила за него замуж, избавлялась от него, забирала деньги – и переключалась на следующую цель.

– Ты отправила ее за решетку?

Ева рассеянно покачала головой.

– В общем, да, но это нельзя было назвать абсолютным успехом. Я не смогла расколоть ее на допросе и добиться признания. К счастью, мы имели достаточно улики для обвинения и осуждения. Многое зависело от психологических тестов. Похоже, у нее были какие-то отклонения – например, она ненавидела всех мужчин. Присяжным Джулианна

не понравилась – слишком дерзко и хладнокровно держалась. Учитывая трех мертвых мужей, от которых она унаследовала в общей сумме почти полмиллиарда долларов, ей дали десять лет.

– Такой срок за три убийства?

– Вашингтонское убийство доказать не удалось, хотя стиль был тот же. Адвокаты напирали на то, что многие улики косвенные, и нам пришлось это проглотить. К тому же учли перенесенные ею в детстве травмы и тому подобное. Большую часть денег первого мужа, которыми она имела право официально пользоваться, Джулианна истратила на адвокатов и апелляции. Процесс проходил в Чикаго, и я присутствовала при вынесении приговора. Потом она захотела поговорить со мной.

Ева присела на угол стола, и Рорк понял по ее лицу, что она перенеслась на десять лет назад и видит перед собой Джулианну Данн.

– Она заявила, что, если бы не я, ее ни за что бы не поймали. Другие копы были всего лишь мужчинами, а мужчинам никогда не удавалось одержать над ней верх. По ее словам, она уважала меня, как женщина женщину, и понимала, что я всего лишь выполняла свою работу, как и она свою.

– И что ты ей ответила?

– Что, если бы это зависело от меня, она бы отправилась в тюрьму за все три убийства и схлопотала бы три пожизненных срока. И что больше нам говорить не о чем.

– Коротко, ясно и по существу, несмотря на твой сверкающий новенький жетон.

– Ей это не понравилось, но она засмеялась и выразила уверенность, что при нашей следующей встрече я лучше ее пойму. Утром хозяин обслуживающей фирмы должен прислать ее послужной список. Но я не хочу ждать так долго. Можешь проникнуть в их файлы и получить ее фото и данные?

– А кто глава фирмы?

– Мистер Марки.

– Отличный выбор. – Рорк встал и обогнул стол.

– Могу я воспользоваться твоим вторым компьютером?

– Будь как дома.

Он сел и принялся за работу, а Ева, в свою очередь, заказала данные Джулианны Данн. Она бегло читала текст, появляющийся на настенном экране, разглядывая попутно фотографию.

В то время у Джулианны еще были длинные светлые волосы, идеально гармонирующие с классически правильными чертами лица, большими голубыми глазами с густыми ресницами и изогнутыми бровями чуть темнее волос. Несмотря на почти десять лет, проведенные в тюрьме, ее кожа оставалась свежей. Она напомнила Еве романтических героинь старых фильмов, видеокопиями которых так наслаждался Рорк.

Выпущена из Докпортского реабилитационного центра 17 февраля 2059 г. Отбыла в заключении восемь лет и семь месяцев. Срок снижен за хорошее поведение, что соответствует условиям реабилитации. Прошла обязательную шестидневную проверку, после чего освобождена без всяких ограничений советником по реабилитации Отто Шульцем. Нынешний адрес: Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, Третья авеню, дом 29, квартира 605.

– Негусто, – заметила Ева.

– Вот ваши данные, лейтенант, – сказал Рорк, выводя их на соседний экран.

Ева сравнила два изображения Джулианны.

– Она сделала короткую стрижку, покрасила волосы в рыжий цвет, изменила цвет глаз и этим ограничилась. Дала правильный, хотя и временный адрес. Это соответствует ее прежнему стилю. Но что заставило ее разделаться с Уолтером Петтибоуном?

– Думаешь, она стала профессиональным киллером?

– Она любит деньги, – пробормотала Ева. – Кроме того, следует учитывать потенциальную потребность убивать мужчин. Хотя вообще-то работа по заказу не в ее стиле. Факт тот, что она вернулась из заключения и убила Петтибоуна.

– А может быть, она вернулась и совершила здесь убийство специально для тебя?

– Не исключено. Это означало бы, что я произвела на нее

впечатление, которое не изгладилося за все эти годы.

– Производить впечатление ты умеешь.

Не найдя что ответить, Ева заказала по мобильному телефону новые сведения о Джулианне Данн.

– Если она действует по-старому, то ее уже нет в городе. Но мы добрались до нее тогда, доберемся и сейчас. Нужно подключить Фини. Мы с ним были напарниками в первом деле Джулианны.

– Поскольку я ему симпатизирую, надеюсь, ты не станешь подключать его до утра.

– Да. – Ева посмотрела на часы. – До утра больше ничего нельзя сделать.

– Ну, не знаю. – Рорк вышел из-за стола и обнял ее. – Я бы мог кое-что придумать...

– То же, что всегда?

– Почему бы нам не пойти в постель? Я раздену тебя, и тогда посмотрим, что ты об этом думаешь.

– Пожалуй, это разумно. – Ева поднялась. – Чуть не забыла, как прошел вечер с родителями Пибоди?

– Превосходно.

– Могу себе представить. Ты устанавливаешь контакт с незнакомыми людьми куда более успешно, чем я. Кажется, они собираются ночевать в своем трейлере. Идея не из лучших. Не мог бы ты выделить им комнату в одном из твоих отелей?

– В этом нет необходимости.

– Есть, потому что, если они поставят свой трейлер на улице или на автостоянке, патрульный отправит их в участок. Они не могут остановиться у Пибоди: у нее крошечная квартира. Наверняка у тебя найдется свободное помещение, которым они могли бы воспользоваться.

– Думаю, что да, но... – Они вошли в спальню, и Рорк повел ее к кровати. – Видишь ли, Ева...

Ее охватили дурные предчувствия.

– Что?

– Ты меня любишь?

Предчувствия усилились.

– Может быть.

Наклонившись, Рорк поцеловал ее в губы:

– Просто скажи «да».

– Не скажу, пока не узнаю, почему ты задаешь этот вопрос.

– Возможно, меня одолевают сомнения.

– Иди в задницу!

– Твоя задница меня вполне устраивает, но сначала я хочу получить заверения в твоей безмерной и безоговорочной любви.

Ева позволила Рорку снять с нее ремень с кобурой, заметив, что он положил его так, чтобы она не могла до него дотянуться.

– Что значит «безоговорочной»? – подозрительно спросила она, когда Рорк повернулся и начал расстегивать ей ру-

башку. – Не припоминаю такого пункта в брачном контракте.

– И почему твое тело постоянно меня возбуждает? – Он провел пальцами по ее груди. – Оно такое мягкое и в то же время упругое...

– Не увиливай – тебе это не поможет! – Ева схватила Рорка за запястья, прежде чем он успел отвлечь ее. – Признавайся – что ты натворил? – И тут до нее дошло. – О господи! Неужели...

– Я сам не знаю, как случилось, что родители Пибоди сейчас спят в комнате для гостей на третьем этаже восточного крыла.

– Ты предложил им остаться здесь? С нами?

– Я не уверен.

– То есть как это – не уверен? Предложил или нет?

– Незачем так волноваться. – Рорк понимал, что, когда средства защиты истощаются, нужно переходить к нападению. – В конце концов, это ты пригласила их обедать!

– Тише! – прошипела Ева, как будто их могли слышать в восточном крыле. – Обедать – не означает ночевать. Рорк, это не наши родители, а Пибоди. Что нам с ними делать?

– Понятия не имею. – Он сел на кровать и засмеялся. – Ты ведь знаешь, что меня нелегко заставить что-то сделать, если это не входит в мои планы. Клянусь тебе, я даже сейчас не понимаю, как Фиби это удалось. Она попросила показать им дом и все время твердила, как хорошо иметь столько

комнат и какие они уютные, несмотря на размеры. Когда мы оказались в восточном крыле, Фиби подошла к окну одной из комнат для гостей, стала восторгаться видом и жаловаться, что скучает по своим цветам. Я предложил ей побродить по саду...

– И каким же образом экскурсия по саду привела к ночевке в комнате для гостей?

– Фиби посмотрела на меня.

– Ну и что?

– Она посмотрела на меня, – с озадаченным видом повторил Рорк, – и начала говорить, какое утешение для нее и Сэма знать, что у Делии есть такие хорошие, великодушные друзья. И как прекрасно, что им удалось с нами познакомиться. Прежде чем я успел осознать, что делаю, я уже устроил их в комнате для гостей, и Фиби пожелала мне доброй ночи.

– Пибоди говорила, что у нее есть дар внушения.

– Вот и я о том же. Не то чтобы я возражал. Дом большой, а они оба мне понравились. Но обычно я знаю, что собираюсь сказать раньше, чем это слетает у меня с языка.

Засмеявшись, Ева подошла к нему и обняла за шею.

– Она тебя сглазила. Жаль, что я при этом не присутствовала.

– Значит, ты меня любишь?

– Возможно.

Ева усмехнулась, когда Рорк уложил ее в кровать.

Утром Ева провела полчаса в спортзале и немного поплавала в бассейне. Эта процедура неизменно улучшала ее настроение и прочищала мозги. Во время десятого круга Ева уже точно представляла себе дальнейшие действия по делу Петтибоуна.

Прежде всего нужно было разобраться с Джулианной Данн. Это означало копание в старых досье, внимательное изучение ее характера, привычек, связей, а также, по-видимому, поездку в Докпорт и беседу с заключенными и охранниками, с которыми у Джулианны могли возникнуть какие-то отношения. Хотя, если Еве не отказывала память, Джулианна предпочитала держаться в стороне ото всех.

Далее следовало выяснить мотив. Кто мог желать смерти Петтибоуну? Кто выиграл в результате его гибели? Жена, дети, возможно, деловые конкуренты...

В жизни такой женщины, как Бэмби, могли быть другие мужчины. Возможно, все дело в ревности бывшего любовника. Или же это был заранее обдуманный план – подцепить богатого мужчину, выдоить его, а затем убрать.

Не исключено также, что первая жена решила отомстить Петтибоуну за то, что он ее бросил.

И, наконец, возможно, сам Петтибоун не был таким святым, каким его считали. Что, если он был знаком с Джулиан-

ной? Она могла соблазнить его десять лет назад, избрав одной из своих мишеней, а после освобождения осуществить свой замысел.

Последнее казалось притянутым за уши, но сейчас было слишком рано отбрасывать какую-либо возможность.

Чтобы узнать убийцу, нужно знать его жертву... На сей раз Ева знала убийцу, но, чтобы выяснить мотив, должна была побольше узнать о Петтибоуне. И возобновить знакомство с Джулианной Данн.

Сделав двадцать кругов, Ева уже приготовилась вылезать из воды, когда заметила какое-то движение в кустах. Она вскинула голову и напряглась.

– Ну, если бы это увидел кто-нибудь из преступников, он бы тут же упал на колени, прося пощады. – Фиби шагнула вперед и протянула полотенце. – Простите. Я знаю, что вы не слышали, как я подошла. Я стояла в кустах, наблюдая за вами. Вы плаваете, как рыба!

Поскольку Ева была к тому же голая, как рыба, она быстро завернулась в полотенце.

– Спасибо.

– Рорк сказал, что вы здесь. Я принесла вам кофе и один из восхитительных круассанов Сэма. – Она поставила на стол большую кружку и тарелку с круассаном. – Я хотела воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить вас за гостеприимство.

– Не стоит благодарности. Вы хорошо устроились?

– Здесь было бы трудно устроиться иначе. У вас есть минутка или вы торопитесь?

– Ну, я...

– Круассан совсем свежий. Сэму удалось очаровать Сомерсета настолько, что он разрешил ему воспользоваться кухней.

– Пожалуй, минутка у меня найдется.

Чтобы надеть халат, требовалось вначале снять полотенце, так что Ева предпочла остаться в нем. Видя, что Фиби наблюдает за ней, она села и откусила кусочек круассана:

– Действительно, очень вкусно.

– Сэм – блестящий повар, Ева... Могу я называть вас по имени? Очевидно, это разрешается немногим.

Неизвестно, было ли все дело во взгляде или в голосе Фиби, а может, и в том и в другом, но Ева с трудом удержалась, чтобы не поерзать на стуле.

– Конечно.

– Я вас смущаю?

– Нет... – Ева все-таки поерзала. – Просто я не слишком умею общаться с людьми.

– Не думаю, что это правда. С Делией вы превосходно общаетесь. И не говорите мне, что это всего лишь работа, так как я вам не поверю. – Фиби взяла чашку чая, наблюдая за Евой. – За прошедший год она сильно изменилась и повзрослела. Ди всегда знала, чего хочет, но, только работая с вами, она нашла свое место. Конечно, веселья у нее поубавилось

– очевидно, из-за того, что ей приходится видеть и делать. Но, с другой стороны, это придало ей уверенности в своих силах. В письмах и по телефону она только о вас и рассказывает. Интересно, знаете ли вы, что означает для нее общение с вами?

– Послушайте, миссис Пибоди... Фиби, – поправилась Ева. – Я не... – Она набрала в легкие побольше воздуха. – Я хочу рассказать вам кое-что о Пибоди, только прошу вас не передавать это ей.

Уголки рта Фиби дрогнули в улыбке.

– Хорошо. То, что вы скажете, останется между нами.

– У нее хороший глаз и быстрый ум. Впрочем, этим обладает большинство копов – в противном случае им надо менять профессию. Она все схватывает на лету, так что с ней не приходится тратить время, повторяя одно и то же. Я долгое время работала одна, и меня это устраивало. После того как мой прежний напарник перешел в электронный отдел...

– Капитан Фини?

– Да. Я не собиралась быть чьим-то инструктором, но когда встретила с Пибоди, то увидела в ней... искру. Не знаю, как еще это назвать. Она хотела работать в отделе убийств, а я считаю, что жертвы, ради которых, собственно, мы здесь и трудимся, нуждаются в таких людях. Пибоди попала бы в отдел и без меня. Я просто ее немного подтолкнула.

– Благодарю вас. Я очень за нее беспокоилась. Хотя Ди уже взрослая, для меня она всегда будет маленькой девоч-

кой. После ваших слов мое беспокойство уменьшилось. Но вы ведь, очевидно, хотели сообщить мне, что думаете об Йене Макнабе?

Ева ощутила нечто, похожее на панику.

– Он хороший коп...

Фиби откинула голову назад и заразительно расхохоталась:

– Так я и знала, что вы это скажете! Не беспокойтесь, Ева, Макнаб мне очень нравится, тем более что он так по-глупому влюбился в мою малышку.

– Вот именно, по-глупому! – пробормотала Ева.

– Я понимаю что вам нужно работать, но у меня есть для вас подарок.

– Вы уже сделали нам подарок.

– Тот подарок был от нас с Сэмом вам и вашему мужу, а этот только вам от меня. – Наклонившись, она подняла ящичек, который стоял на полу у ее ног, и протянула Еве. – Подарки не должны вас смущать. Они всего лишь символы одобрения или привязанности – в данном случае того и другого. Я взяла это с собой в Нью-Йорк, еще не зная, подарю ли вам. Сначала я должна была с вами познакомиться. Пожалуйста, откройте ящик.

Понимая, что у нее нет выхода, Ева подняла крышку. Внутри лежала статуэтка женщины высотой около восьми футов, вырезанная из какого-то почти прозрачного кристалла. Голова женщины была откинута назад, волосы опуска-

лись почти до пят. Глаза были закрыты, губы изгибались в спокойной, слегка загадочной улыбке.

– Эта богиня сделана из алебастра, – объяснила Фиби. – Она символизирует чисто женские качества, которые порой ошибочно приписывают мужчинам, – силу, смелость, разум и сострадание.

– Какая красота! – Ева наблюдала, как свет, проникающий сквозь окна, играет на резной фигуре. – Она выглядит такой древней... в хорошем смысле слова.

Фиби снова засмеялась:

– Вот именно! Это моя прапрабабушка. Статуэтка переходила от одной женщины к другой из поколения в поколение, пока не попала ко мне. А теперь она перешла к вам.

– Но я не могу принять ее! Статуэтка должна оставаться в вашей семье.

Фиби положила руку на руку Евы. Теперь они обе держали статуэтку.

– Она в ней и останется.

* * *

Кабинет Евы в управлении был слишком мал для совещания, число участников которого больше двух человек. Попытка зарезервировать конференц-зал окончилась неудачей. Не имея выбора, Ева перенесла инструктаж в свой домашний кабинет.

– Проблемы, лейтенант? – осведомился Рорк.

– Конференц-зал не будет свободен до двух. Просто черт знает что!

– Я слышал, как ты произнесла это по телефону. – Подойдя к Еве, он провел пальцем по ямочке на ее подбородке. – У меня встреча в городе. Я могу тебе чем-нибудь помочь перед уходом?

– Я уже назначила инструктаж здесь.

Рорк поцеловал ее в губы.

– Я вернусь не поздно. – Шагнув назад, он увидел статуэтку на письменном столе. – Что это?

– Фиби подарила ее мне.

Рорк поднял статуэтку. – Какая-то богиня? Она тебе очень подходит.

– Да. Богиня специально для копа. – Ева посмотрела на спокойное, безмятежное лицо статуэтки, вспоминая такое же спокойное и безмятежное лицо Фиби Пибоди. – Знаешь, Фиби одним взглядом заставила меня сказать ей кое-что. Если ты хочешь держать свои мысли при себе, никогда не смотри ей в глаза!

Рорк засмеялся и поставил статуэтку на место.

– Думаю, немало людей могут сказать то же самое о тебе.

В другое время Ева бы над этим поразмыслила, но сейчас ей нужно было приниматься за работу. Она вывела данные на экран и снова погрузилась в изучение информации о Джулианне Данн.

Ева уже заканчивала читать вторую страницу, когда пришли Пибоди и Макнаб.

– Идите на кухню, – распорядилась она, не отрывая взгляда от монитора. – Я хочу, чтобы вы были сыты к приходу Фини.

– У вас появилась новая нить? – спросила Пибоди.

– Я уведомя всех сразу. А сейчас мне нужен кофе.

– Хорошо. – Потянувшись за пустой кружкой Евы, Пибоди заметила статую. – Мама отдала вам богиню?!

Повернув голову, Ева, к своему ужасу, увидела слезы в глазах Пибоди. Должно быть, Макнаб тоже их увидел, так как пробормотал: «Девчачьи штучки!» – и выскользнул из комнаты.

– Послушай, Пибоди... Я понимаю, статуя должна была перейти к тебе, так что...

– Нет. – Пибоди посмотрела на Еву и улыбнулась. – Если мама отдала ее вам, значит, она вам доверяет и принимает вас в семью. А то, что вы поставили ее на свой стол, означает, что вы с этим согласны. Для меня это очень важный момент. – Она достала носовой платок. – Я люблю вас, Даллас.

– Если ты попытаешься меня поцеловать, я тебя нокаутирую!

Пибоди засмеялась и высморкалась.

– Я боялась, что вы и говорить-то со мной не пожелаете. Папа позвонил мне и сказал, что они остались у вас.

– Твоя мама сглазила Рорка. Такое сделать нелегко.

– Да, могу себе представить. Так вы не сердитесь?

– Сэм утром испек круассаны, и твоя мама принесла мне один вместе с кофе.

Пибоди робко улыбнулась:

– Тогда все о'кей?

– Очевидно. – Ева взяла кружку и скривила губы, заглянув внутрь. – Кажется, я так и не получила кофе.

– Я немедленно исправлю эту оплошность, лейтенант. – Пибоди схватила кружку и пробормотала: – Будьте благословенны, Даллас...

– Что-что?

– Простите, не удержалась. Это мое мормонское воспитание. Я хотела сказать, спасибо вам за все.

5

– Джулианна Данн...

Фини глотнул кофе и покачал головой. У него было морщинистое лицо, напоминающее морду бассета, и грустные глаза верблюда. Жесткие рыжеватые волосы, тронутые сединой, выглядели так, словно какой-то маньяк прошелся по ним садовыми ножницами. Это означало, что он недавно стригся. Фини сидел в домашнем кабинете Евы, вытянув короткие ноги. Так как на нем был один коричневый носок, а другой черный, Ева пришла к выводу, что жена не видела его утром перед уходом на службу.

Фини не был франтом, но ему не было равных, когда дело доходило до электроники.

– Никак не ожидал, что нам снова придется иметь с ней дело.

– Нам не удалось получить отпечатки пальцев или ДНК ни на месте преступления, ни в квартире, которую снимала Джули Докпорт. Но визуально все подтверждается – во всяком случае, для меня. – Ева указала на экран с фотографиями. – Для проформы я провела тест на вероятность и получила девяносто девять процентов того, что Джули Докпорт и Джулианна Данн – одно и то же лицо.

– Если она только в этом году вышла из тюрьмы, – заметил Макнаб, – то работает она быстро.

– Еще как! – отозвалась Ева. – Ей тридцать четыре года. К двадцати пяти годам она успела трижды побывать замужем и убить троих мужей. Джулианна подыскивала себе состоятельных мужчин гораздо старше ее. Каждый из них был разведен. Самый короткий ее брак длился семь месяцев, а самый длинный – тринадцать. В каждом случае она получала большое наследство после кончины супруга.

– Аккуратная работа, – вставила Пибоди.

– Наметив жертву, Джулианна тщательно изучала ее прошлое, вкусы, привычки. Мы знаем это, так как вскрыли ее банковский сейф в Чикаго; там оказались фотографии и данные мужа номер два – Пола О’Хары. Сейфов в Нью-Йорке и Вашингтоне нам найти не удалось.

– Может быть, у нее был сообщник, который уничтожил улики? – предположила Пибоди.

– Маловероятно. Судя по всему, она работала в одиночку. Ее психологический портрет это подтверждает. Родители развелись, когда Джулианне было пятнадцать. Отчим тоже был разведен – богатый пожилой техасец ковбойского типа. Джулианна утверждала, что он ее насиловал. Полицейский психиатр не смогла определить, была ли сексуальная связь Джулианны с отчимом добровольной или принудительной, хотя она склонялась к тому, чтобы поверить Джулианне. В любом случае это преступление, так как она была несовершеннолетней.

– Как правило, такие вещи задерживают развитие, – доба-

вил Фини. – И развивают криминальные наклонности.

– Поэтому она убивает своего отчима, – негромко сказала Пибоди, глядя на экран. – Снова и снова...

– Возможно.

Ева вдруг увидела себя восьмилетней девочкой, съежившейся в углу холодной грязной комнаты. Обезумев от боли, вызванной последним избиением и последним изнасилованием, она сжимала в руке окровавленный нож, которым только что убила своего отца.

Чувствуя тошноту, она убрала с экрана изображение.

– Но, по правде сказать, я никогда этому не верила. – Голос Евы был спокойным, хотя ей с трудом удалось отогнать страшную картину. – Джулианна убивала холодно и расчетливо. Я не заметила в ней ни гнева, ни ужаса, ни отчаяния. Что бы ни происходило у нее с отчимом, она использовала это в своих интересах. Она родилась хладнокровной убийцей, а не стала такой.

– Тут я согласен с Даллас, – кивнул Фини. – У этой бабенки вместо крови лед, и она не жертва, а охотник.

– Словесный портрет больше ничего не дал, – продолжала Ева. – Впрочем, я на другое и не рассчитывала. Джулианна все тщательно спланировала, наверняка обзаведясь новым именем, новыми документами и новой биографией. Хотя внешность она не слишком изменяла, так как очень тщеславна – ей нравится, как она выглядит. В Джулианне многое осталось от молодой девушки – она любит тряпки, по-

брюкушки, салоны красоты, шикарные магазины и рестораны. Ее не увидишь в дешевых лавках, секс-клубах или барах. Она предпочитает большие города; мы передадим ее фотографии СМИ – может, нам и повезет.

«Помимо обычной полицейской работы, здесь нужна удача, – думала Ева. – Джулианна редко делала ошибки».

– Наша проблема в том, что она очень ловко вписывается в окружающую обстановку и ни у кого не вызывает подозрений. А если заводит друзей, то это лишь временные, нужные ей связи. Никто не может подобраться к ней близко.

– Если Джулианна заделалась профессионалом, то можешь смело держать пари, что она первоклассный киллер. – Фини задумчиво потер подбородок. – Сейчас она может быть где угодно, Даллас.

– Поэтому искать будем везде. Помнишь, кто вел следствие в Чикаго?

– Да. Спидлер.

– Верно. А в Вашингтоне – Блок. Можешь с ними связаться? Узнай, что у них есть.

– Хорошо. У меня тоже имелись кое-какие записи о ней. Надо будет их раскопать.

– Психолог, который составляла портрет Джулианны, уже на пенсии. Я передам все данные Мире и попрошу у нее консультацию. Макнаб, поручаю вам сбор данных по всем делам. Составьте для меня досье. Семейные, деловые, финансовые связи и так далее. Поговорите с тюремным персона-

лом в Докпорте и узнайте, с кем из заключенных она работала и общалась. А я собираюсь что-нибудь вытянуть из первой миссис Петтибоун. Пибоди, ты со мной.

* * *

Поскольку Шелли Петтибоун жила в Уэстчестере, Ева, сев за руль, заказала на компьютере карту лучшего маршрута. Когда она возникла на экране, это явилось для нее приятным сюрпризом.

– Смотри-ка, Пибоди! Сработало!

– Техника – наш друг, лейтенант.

– Конечно, пока она не начинает над нами издеваться.

Между прочим, оттуда всего пара миль до дома майора Уитни. Если мне повезет, миссис Петтибоун окажется лучшей подругой жены майора.

Размышляя над этой возможностью, Ева выехала на улицу.

– Папа сказал, что они с мамой сегодня собираются побродить по городу – побывать в Гринвич-Виллидж и в других местах.

– Что-что? Ах да, превосходно.

– А вечером я хочу сходить с ними пообедать, так что они не будут вам докучать...

– Пибоди, если ты думаешь, что я тебя не слушаю, то ошибаешься.

– Ой!

Ева поехала на желтый свет, огрызнувшись на автобус, преградивший дорогу. Повернув баранку, она втиснулась в узкую щель, нажала на акселератор и вырвалась вперед. Сердитый гудок автобуса доставил ей удовольствие.

– Насколько я понимаю, родители и новое расследование не оставили тебе много времени для работы над делом Марши Стиббс?

– Кое-что я выяснила. Морин Стиббс, урожденная Брайтон, не только жила в одном доме с покойной, но и на одном этаже. Так что с Бойдом Стиббсом она была знакома очень давно. Его первая жена по будням ездила на службу, а бывшая мисс Брайтон, работая консультантом по интерьерам, часто выезжала к клиентам. Это давало нынешним супругам время и возможность для перепихивания.

– Это что, юридический термин?

Пибоди пожала плечами:

– Бойд Стиббс женился на Морин Брайтон через два с половиной года после гибели Марши Стиббс. По-моему, это слишком долгий срок, если они трахались, еще когда Марша была жива. Конечно, они могли подождать для отвода глаз, но это было бы чересчур хитроумно. Кроме того, если они так уж хотели официально воссоединиться, развод был бы самым простым выходом. Ведь у Марши не было кучи денег, которые Бойд потерял бы, расставшись с ней. Не вижу никакого мотива для преднамеренного убийства.

– А почему оно должно быть преднамеренным?

– Из-за писем. Если полагаться на показания друзей, родственников и сослуживцев Марши, даже ее мужа и его второй жены, у Марши никогда не было любовника. Следовательно, письма – подтасованная улика. Кто-то написал их и подбросил в ящик ее комода. После убийства.

– Почему после?

– Потому что женщина обычно знает, что лежит у нее в ящике с нижним бельем. Она бы нашла письма, как только полезла за трусиками. – Пибоди сделала паузу. – Это что, тест?

– Продолжай. Мне полезно послушать.

– О'кей. Кто-то, имевший доступ в ее квартиру и побывавший там в ночь убийства, подложил письма в ее ящик. И мне кажется, что выбор места чисто женский. Мужчина едва ли выбрал бы ящик с нижним бельем, чтобы спрятать в нем что-нибудь. Мы не знаем, когда были написаны письма, так как не было ни дат, ни конвертов со штампами. Возможно, их все написали одновременно, в ночь убийства. Если так, то убийство не было преднамеренным, а произошло под влиянием импульса. Преступление на почве страсти.

– Значит, твоя теория состоит в том, что некто убил Маршу Стиббс под действием импульса, а затем положил ее в ванну, надеясь выдать убийство за несчастный случай. Решив, что этого недостаточно, неизвестный написал письма от имени несуществующего любовника и положил их в ящик

с бельем жертвы, дабы создать видимость, будто любовник убил ее во время ссоры. Так?

– Согласна, это немного притянута за уши...

– Тогда придумай что-нибудь получше.

– Я просто нервничаю, потому что вы вроде как меня экзаменуете. – Пибоди откашлялась. – Все остальное основано на интуиции. Я вспомнила, как эти двое реагировали на нас. Бойд казался печальным, вначале немного неуверенным, но он явно был рад нашему приходу. Конечно, это могло быть притворством, но, так как у него не было времени на подготовку, выглядело достаточно искренним. Так же, как и его убежденность, что у Марши не было любовника. – Она сделала паузу, ожидая одобрения или возражения Евы, но та молчала. – Ладно, буду продолжать, на свой страх и риск. Алиби Бойда выглядит надежным, хотя он, разумеется, мог просто нанять киллера. Но даже в этом случае он бы все равно нервничал, когда мы ворвались в его новую счастливую жизнь, вновь угрожая возможностью разоблачения. С другой стороны, его жена казалась недовольной и испуганной, явно желая, чтобы мы поскорее убрались из ее новой счастливой жизни с мужем погибшей подруги. Возможно, это нормальная реакция, но она с таким же успехом могла быть вызвана сознанием вины и страхом перед разоблачением.

– Вины в том, что она, как ты выразилась, трахалась с мужем погибшей подруги, когда та была еще жива?

– Необязательно. – Возбужденная Пибоди повернулась на сиденье, чтобы видеть лицо Евы. – Что, если Морин только мечтала об этом? Что, если она была влюблена в Бойда и день за днем наблюдала, как он живет рядом с ней в счастливом браке с ее подругой? Представьте себе: Морин хочет заполучить Бойда, но он даже не смотрит на нее, пока рядом Марша. Это Марша виновата, что он не любит ее, что она не может воплотить свою мечту о жизни с любимым мужем и с парой хорошеньких малышек. Все это доводит Морин до отчаяния, делает ее несчастной. Ей приходится довольствоваться ролью подруги и соседки, но она не в состоянии выбросить из головы мысль о том, что все могло бы быть иначе.

– И что же она делает?

– Однажды Морин не выдерживает и начинает упрекать Маршу в том, что она плохая жена: каждый день уходит на работу, вместо того чтобы оставаться дома и заботиться о муже. Марша не заслуживает Бойда. Если бы она, Морин, была его женой, то готовила бы ему еду, покупала продукты, родила бы ребенка – короче говоря, создала бы настоящую семью. Из-за этого у них вспыхивает ссора.

Пибоди хотелось представить себе все это так, как обычно делала Ева, но мысленные образы оставались какими-то неопределенными.

– Марша велит ей обратиться подальше и оставить ее мужа в покое. Держу пари, она пригрозила рассказать все Бойду, который наверняка не пожелает больше иметь с Морин ни-

чего общего. Для Морин это чересчур. Она толкает Маршу, та падает и разбивает себе голову. В досье сказано, что она умерла, ударившись об угол столика из армированного стекла. Морин впадает в панику и пытается замести следы. Она раздевает Маршу и кладет ее в ванну. Может быть, подумают, что Марша поскользнулась в воде, ударилась головой и утонула. Но потом Морин понимает, что это едва ли сочтут несчастным случаем. Более того, ей становится ясно, что все происшедшее – шанс для нее. Она не хотела убивать Маршу, но это случилось, и теперь ничего не поделаешь. Если Бойд и полиция подумают, что у Марши был любовник, это решит все проблемы. Его будут разыскивать, а ее никто не заподозрит. Морин пишет письма, кладет их в ящик и возвращается домой. Возможно, со временем она сама начала верить, что подстроенная ею версия с любовником – чистая правда. В противном случае она просто не могла бы ночь за ночью спать рядом с Бойдом и не сойти с ума. – Пибоди судорожно глотнула – у нее пересохло в горле. – Вот теория, над которой я работаю. По-вашему, это чепуха?

– Как ты до этого додумалась?

– Я изучала рапорты, данные, фотографии, читала показания, пока не заболели глаза. А когда я лежала в кровати прошлой ночью, все это вертелось у меня в голове. Тогда я постаралась представить себе всю картину, собрать кусочки головоломки, как это делаете вы. Когда вы появляетесь на месте преступления, то начинаете мысленно вообразить, как

оно произошло. Я постаралась сделать то же самое. Конечно, это, может, и самонадеянно, но именно так мне удалось все увидеть. – Пибоди смущенно заморгала. – Чему это вы улыбаетесь?

– Постарайся поговорить с Морин, когда Бойда и ребенка не будет рядом. С ними ей легче будет обороняться: она убедит себя, что защищает их. Лучше всего привезти ее к нам в управление. Морин, конечно, не захочет ехать, но присутствие полицейского в униформе внушит ей страх. Едва ли она сразу начнет требовать адвоката, так как побоится выглядеть виновной. Дай мне знать, когда у тебя все будет готово, и я постараюсь понаблюдать за допросом.

Сердце Пибоди забилося.

– Значит, вы думаете, я права? Это сделала она?

– Конечно, она.

– Вы знали это с той минуты, как Морин вошла в квартиру!

– Неважно, что я знала, а что нет. Это твое расследование, поэтому имеет значение только то, что знаешь ты и в чем заставишь ее признаться.

– Если бы вы провели допрос...

– Не могу – это твое дело. Продумай нужный подход, а потом привези Морин в управление и заставь ее расколоться.

Ева свернула на подъездную аллею, и Пибоди рассеянно огляделась. Она и не заметила, как они очутились в пригороде.

– Теперь выбрось все это из головы, – велела Ева, – и сосредоточься на Петтибоуне.

Некоторое время она сидела неподвижно, глядя на розовый кирпичный дом. Он выглядел бы достаточно скромно, если бы не сад. Со всех сторон дом окружало настоящее море цветов, среди которого лишь кое-где виднелись зеленые островки причудливо подстриженной травы.

Каменная дорожка вела к веранде, которую оплетали виноградные лозы. Здесь стояли стулья с белыми подушками на сиденьях, столики со стеклянным верхом и цветы в горшках, искусно окрашенных под ярь-медянку. Очевидно, Шелли Петтибоун любила сидеть на веранде и любоваться своими цветами.

Как только Ева подумала об этом, из дома вышла женщина с подносом, в просторной голубой блузе и поношенных джинсах, обрезанных у лодыжек. Поставив поднос, она посмотрела на выходящую из машины Еву. Ветерок шевелил ее короткие каштановые волосы; загорелое лицо свидетельствовало о том, что его обладательница проводит много времени на воздухе.

Подойдя ближе, Ева увидела, что карие глаза женщины покраснели от слез.

– Вы ко мне?

– Миссис Шелли Петтибоун?

– Да. – Женщина посмотрела на Пибоди. – Это насчет Уолтера?

– Я лейтенант Даллас. – Ева достала жетон. – А это моя помощница, сержант Пибоди. Простите, что беспокоим вас в такое тяжелое время...

– Не стоит извиняться, я все понимаю. Я только что говорила по телефону с дочерью... Кажется, я не смогла ее утешить. Мне не удалось найти нужных слов, да и вряд ли они существуют. Садитесь, пожалуйста. Я собиралась пить кофе – сейчас принесу еще чашки.

– Не стоит беспокоиться.

– Мне нужно хоть чем-то заняться. Я вернусь через минуту. Ничего, если мы поговорим на веранде? Мне бы хотелось немного побыть на воздухе.

– Конечно, здесь очень удобно.

Женщина вошла в дом, оставив дверь открытой.

– Муж бросил ее ради смазливой девчонки после тридцати лет брака, – сказала Ева. – Как бы ты себя чувствовала на ее месте?

– Трудно сказать. Я не представляю, как можно прожить с кем-то даже три года. Это вы у нас замужняя, так что вам легче судить.

Ева открыла было рот, но едкое замечание замерло у нее на языке. Если бы Рорк бросил ее, она бы, наверное, этого просто не пережила.

Вместо ответа Ева подошла к двери и заглянула внутрь.

– Приятное местечко, если тебе нравятся дома в таком стиле.

– Никогда не видела ничего похожего на этот сад. Должно быть, хлопот с ним не оберешься. Все выглядит естественно, но на самом деле тщательно спланировано. Она размещает цветы, учитывая оттенки, запахи, периоды цветения. Я чую душистый горошек. – Пибоди потянула носом. – У моей бабушки всегда растет горошек под окном спальни.

– Вам нравятся цветы? – Шелли вышла на веранду с чашками в руках.

– Да, мэм. У вас прекрасный сад.

– Спасибо. Это моя профессия. Я изучала садоводство и дизайн, когда познакомилась с Уолтером. Кажется, это было миллион лет тому назад. – Она вздохнула. – Не могу поверить, что никогда не увижу его снова.

– А вы часто виделись с ним? – спросила Ева.

– Раз в неделю или в две недели. Хотя мы развелись, но у нас было много общего. И прежде всего – цветы. Он часто рекомендовал меня клиентам, как и я его. Цветы продолжали нас связывать.

Шелли разливала кофе. Ева заметила, что на ее пальцах не было колец.

– Тем не менее вы развелись, а он женился снова?

– Да, это Уолтер настоял на разводе. – Шелли закинула ногу на ногу и взяла свою чашку. – Я была вполне довольна нашей жизнью, но Уолтер нуждался в большем. Ему были необходимы влюбленность, страсть, возбуждение... Когда дети выросли и стали жить отдельно, мы не смогли все

это оживить. Хотя для Уолтера это было нелегко, он сказал мне, что хочет развестись.

– Должно быть, вы были обижены?

– Конечно. Обижена, сердита и озадачена. Кому же понравится быть отвергнутой – пусть даже мягко и вежливо. А Уолтер был очень тактичен – в нем никогда не было ни капли злобы. – В ее глазах блеснули слезы, она быстро заморгала и глотнула кофе. – Думаю, если бы я настаивала, то смогла бы сохранить наш брак.

– Но вы этого не сделали?

– Я любила его. – Шелли печально улыбнулась. – Не знаю, чья была вина – моя или Уолтера, – что наша любовь превратилась в нечто слишком уютное и повседневное, чтобы вызывать его интерес. Конечно, мне было нелегко расстаться с ним – мы ведь прожили вместе больше половины жизни. Но я была слишком горда и слишком уважала нас обоих, чтобы заставлять его оставаться со мной из чувства долга.

– А что вы почувствовали, когда он женился на женщине, которая моложе вашей дочери?

– Меня это позабавило. – В глазах Шелли мелькнули искорки юмора, и ее лицо на мгновение стало озорным и словно помолодело. – Быть может, это мелочно, но что еще я могла почувствовать? Она ведь всего лишь глуповатая девчонка, и, откровенно говоря, я не думаю, что их брак продлился бы долго. Уолт увлекся ею и испытывал чисто мужскую гордость, завоевав в шестидесятилетнем возрасте расположение

молоденькой пустышки.

– Многие женщины на вашем месте ощущали бы злость и обиду.

– Став при этом на одну доску с Бэмби? Нет, моя реакция была абсолютно противоположной. Фактически связь Уолта с Бэмби помогла мне понять то, что произошло между нами. Если его счастье зависело от грудастой хихикающей дурочки, то я уже ничего не могла ему дать. – Шелли вздохнула и поставила чашку. – Она сделала Уолта счастливым и, кажется, по-своему любила его. Впрочем, не любить Уолта было невозможно.

– Это я уже слышала. Тем не менее кто-то не любил его, миссис Петтибоун.

– Я много об этом думала. – Глаза Шелли погрузнели. – Убийство Уолта представляется мне абсолютно бессмысленным, лейтенант. Кто мог ненавидеть его до такой степени? Бэмби? Вряд ли. Она пустоголовая, но не злая. А ведь для убийства необходима злость, не так ли?

– Бывают и другие причины.

– Если бы я хоть на мгновение подумала, что Уолта убила Бэмби, то сделала бы все возможное, чтобы помочь вам это доказать. Но она всего лишь безобидная идиотка. Если бы в ее пустой голове хоть раз появились две мысли одновременно, можно было бы услышать, как они стучат друг о друга.

«Лучше не скажешь», – подумала Ева.

– Да и зачем Бэмби это делать? – размышляла вслух Шел-

ли. – Она получила все, что можно желать. Уолт ни в чем ей не отказывал.

– Он был очень богатым человеком?

– Да, и очень щедрым. Условия нашего развода были более чем справедливыми. Мне бы никогда не пришлось работать, если бы я не любила свою профессию. Уолт говорил мне, что отписал Бэмби солидный трастовый капитал, когда они поженились. Наши дети полностью обеспечены, и каждый владеет большой долей прибыли от «Мира цветов». После его смерти всех нас, и меня в том числе, ожидает солидное наследство. Но мы и так далеко не бедны.

– А как насчет его деловых связей и конкурентов?

– Не знаю никого, кто бы желал Уолту зла. Что касается бизнеса, то его гибель никак не отразится на «Мире цветов». Компания отлично организована, и наши дети принимают все большее участие в управлении ею. Убивать его было бессмысленно.

«Для Джулианны, очевидно, имело, – подумала Ева. – Эта женщина никогда не делала ничего бессмысленного».

– Если вы сохраняли хорошие отношения, то почему не пришли на его день рождения?

– Я решила, что это было бы неловко. Уолт приглашал меня, хотя и не слишком настаивал. Вечеринка должна была стать сюрпризом, но, конечно, он знал о ней за несколько недель и был очень возбужден. Уолт всегда волновался как мальчишка перед приходом гостей.

Ева достала из сумки две фотографии Джулианны Данн.

– Вы знаете эту женщину?

Шелли посмотрела на снимки:

– Она очень хорошенькая. Нет, я никогда ее не видела.

Кто она?

– Что вы делали в тот вечер, когда у вашего мужа был прием?

Шелли устало вздохнула, словно знала заранее, что ей придется выдержать этот удар.

– У меня нет того, что вы называете алиби, так как я была одна. Я работала в саду почти до захода солнца – может быть, меня видел кто-то из соседей. Вечером я оставалась дома. Друзья приглашали меня в Уэстчестерский сельский клуб, но мне не хотелось идти. Возможно, вы их знаете – Джек и Анна Уитни. Он – полицейский офицер.

Ева ощутила странную пустоту в животе.

– Да, я знаю майора и его жену.

– Анна пыталась подбодрить меня после развода. Она просто не понимала, как я могу быть счастлива после развода с мужем.

– А вы в самом деле были счастливы? Может быть, вы думали, что ваш муж вернется к вам, если его брак со второй женой потерпит неудачу?

– Да, я думала об этом. Но он вряд ли вернулся бы.

Желтая бабочка порхала над цветами в горшках. Наблюдая за ней, Шелли опять вздохнула.

– Да я бы не приняла его, даже если бы он захотел вернуться, – добавила она. – Я любила Уолта, лейтенант, и он навсегда останется частью моей жизни. С ним я жила, спала и растила детей. У нас внук, которого мы обожали. Но мы больше не были влюблены друг в друга, и я уже привыкла жить сама по себе. Мне нравится ощущение независимости, и я не готова от нее отказаться, хотя это озадачивает Анну и некоторых других моих подруг. Уолтер был очень хорошим человеком. Но он уже не был моим... – Шелли вернула Еве фотографии. – Вы так и не сказали мне, кто это.

«Она все равно об этом узнает, – подумала Ева. – Либо через СМИ, либо от Анны Уитни».

– Эта женщина подала Уолтеру Петтибоуну отравленное шампанское. Она наша главная подозреваемая.

* * *

– Мне она понравилась, – сказала Пибоди, когда они ехали назад в город.

– Мне тоже.

– Не могу представить ее нанимающей киллера. Она слишком искренняя и благоразумная. А если мотивом служила месть за развод, то почему уж тогда не убить Бэмби? Зачем позволять ей изображать безутешную вдову и получить немалое наследство?

Ева кивнула, поскольку и сама пришла к тому же выводу.

– Посмотрим, не сообщит ли мне Уитни что-нибудь об отношении Шелли к разводу и к Петтибоуну. Но на данном этапе мы передвигаем ее в самый конец списка.

– Что будем делать дальше?

– Если Джулианна была наемной убийцей, то ей заплатили немало. Начнем с проверки финансов – посмотрим, не израсходовал ли недавно кто-нибудь из них крупную сумму на неизвестные цели.

* * *

Джулианну не заботили деньги. Ее мужа, да упокоит господь их души, были достаточно щедры. Прежде чем убивать их, она открывала под различными кодами счета в каких-нибудь скромных банках. Вклады оказались удачными, и за время, проведенное Джулианной в тюрьме, выросли солидные проценты.

Джулианна могла бы жить припеваючи в любой точке планеты. Но жизнь не являлась для нее полноценной, если она не могла лишать жизни других. Убийства доставляли ей наслаждение. Это была по-настоящему интересная работа. Единственным благом длительного тюремного заключения являлась безграничная возможность планировать продолжение этой работы после выхода на свободу.

Джулианна не ненавидела мужчин – она испытывала отвращение к их грязным мыслям, телам, потным и жадным

рукам, а более всего к их примитивности. Для них все сводилось к сексу. Как бы они ни старались романтизировать и облагораживать свои намерения, главной целью для них было вставить в нее свой член.

При этом они были слишком глупы, чтобы понимать, что, добившись своего, они давали ей власть над собой.

Джулианна не сочувствовала женщинам, которые жаловались, что их унижают, бьют или насилуют. Если женщина была настолько глупой и слабой, что не знала, как использовать против мужчины его же силу, она заслуживала то, что получала.

Сама Джулианна была далеко не глупа. Она все схватывала на лету. Это ее мать была безмозглой дурой, которую вечно бросали мужчины, а она сразу же цеплялась за других, всегда покорная и услужливая, готовая на все по первому требованию. Мать так ничему и не научилась, даже когда Джулианна соблазнила ее тупоголового второго мужа. Она сумела завлечь его в постель и позволила ему проделывать с ее свежим и гибким пятнадцатилетним телом все, что так обожают мужчины. Ей не составило никакого труда перетащить отчима из материнской кровати в свою и заставить бегать за ней, как собачонку.

Использовать их отношения против него было так же легко. От Джулианны требовался только секс, зато отчим давал ей все, что ей было нужно, а если она угрожала разоблачением, давал еще больше.

В восемнадцать лет Джулианна ушла из дому, прихватив изрядное количество денег. Она не забыла лица матери, услышавшей от нее о том, что целых три года творилось под самым ее носом. Было так приятно видеть выражение ужаса и горя, которые обрушились на нее всей тяжестью!

Естественно, Джулианна сказала, что ее принудили угрозами и силой. Всегда лучше на всякий случай защитить себя.

Может быть, мать поверила этому, а может быть, нет. Это не имело значения. Важно было одно: в тот момент Джулианна осознала свою разрушительную силу.

Сейчас, спустя много лет, она стояла в спальне дома неподалеку от Мэдисон-авеню, который приобрела более двух лет назад, разумеется, на чужое имя. Глядя на себя в зеркало, Джулианна решила, что ей идет быть брюнеткой. Черные волосы весьма пикантно сочетались с золотистым оттенком, который она избрала для кожи.

Закурив сигарету с «травкой», Джулианна повернулась к зеркалу боком и провела рукой по плоскому животу. В тюрьме она всю пользовалась спортзалом, чтобы сохранить фигуру. Ей казалось, что сейчас она даже в лучшей форме, чем была перед заключением. Стала крепче и сильнее. Возможно, стоит вступить в какой-нибудь элитный клуб здоровья. Прекрасный способ для знакомства с мужчинами!

Внезапно Джулианна вздрогнула, услышав свое имя. По телевизору передавали сводку новостей, и вскоре на экране появились ее фотографии в образе самой себя и Джули Док-

порт. Честно говоря, она не ожидала, что полиция так быстро ее опознает. Впрочем, это ее нисколько не тревожило.

Детектив Ева Даллас, ныне лейтенант... В сущности, она вернулась в Нью-Йорк, чтобы вести войну с Даллас. В этой женщине Джулианна ощущала нечто холодное и мрачное, что позволяло считать их родственными душами. Бесконечные часы в тюрьме она посвящала размышлениям о своем самом серьезном противнике, и теперь наконец настало время действовать.

Джулианна не испытывала страха. Полиция будет гоняться за своим хвостом, ища связи между ней и Уолтером Петтибоуном, и ничего не найдет, так как искать было нечего. Теперь объектами Джулианны стали женатые мужчины. С ними не нужно заниматься сексом – их можно просто убивать.

Выйдя из комнаты, она направилась в кабинет, чтобы провести час или два, изучая записи о следующей жертве.

Конечно, можно было взять годичный отпуск, но Джулианне не терпелось продолжить работу.

6

Так как отсрочки нервировали Еву, она отложила визит к майору Уитни только до середины дня. Кроме того, посещение начальника давало ей возможность игнорировать звонки Надин Ферст, ведущего репортера 75-го канала, которая хотела получить интервью у нее по делу Петтибоуна.

«Впрочем, – думала Ева, выйдя из отдела убийств, – опыт Надин в расследованиях так же богат, как ее гардероб. Пренебрегать ее услугами не следует».

Поскольку Еву пропустили в кабинет Уитни без промедлений, она поняла, что он ожидал ее.

Уитни сидел за столом. Это был широкоплечий мужчина с массивным усталым лицом и добрыми ясными глазами. Но Ева знала, что он ничуть не смягчился с тех пор, как перестал патрулировать улицы.

– Вы не теряли времени даром, лейтенант, – заговорил Уитни.

– Сэр?

– Сегодня утром вы побывали по соседству с моим домом, нанеся визит Шелли Петтибоун. – Его лицо было непроницаемым. – Я только что получил взбучку от жены.

– Майор, опрос лиц, связанных с жертвой, – стандартная процедура.

– Кажется, я не утверждал обратное. – Его глубокий рас-

катистый голос был таким же бесстрастным, как лицо. – Каково ваше впечатление от Шелли Петтибоун?

– Мне показалось, что она разумная, уравновешенная и искренняя женщина.

– Я знаю ее около пятнадцати лет и должен признать, что ваше описание точно. У вас есть причины полагать, что она имеет какое-то отношение к смерти мужа?

– Нет, сэр. Нет никаких улик, указывающих на это.

Майор кивнул:

– Рад слышать. Скажите, лейтенант, вы боитесь мою жену?

– Да, сэр, – без колебаний ответила Ева. – Боюсь.

Его губы дрогнули, что могло означать подобие улыбки.

– Значит, я в хорошей компании. Анна – женщина с очень сильной волей и твердыми взглядами. Я попытаюсь держать ее подальше от вас во время этого расследования, и, так как Шелли не занимает первых мест в вашем списке подозреваемых, это выглядит вполне осуществимым. Но если ничего не выйдет, вам придется обороняться в одиночку.

– Понятно.

– Тогда позвольте мне подробнее охарактеризовать ситуацию. – Уитни указал Еве на стул. – Моя семья много лет состояла в дружеских отношениях с Петтибоунами. Один из моих сыновей в юности даже крутил любовь с Шерлин. Для моей жены явилось горьким разочарованием, что их отношения не привели к браку, но она это пережила.

На столе стояла фотография в рамке, изображающая миссис Уитни. Быстрым движением майор повернул ее лицом к стене.

– Анна и Шелли – очень близкие подруги, и мне кажется, что Анна восприняла уход Уолтера от жены тяжелее, чем сама Шелли. Она отказывалась видеться и разговаривать с ним, поэтому мы и наши дети не пришли к нему на день рождения. Мы были приглашены, но спорить по таким поводам с Анной никто из нас не рискует.

– Из-за этого я не стану думать о вас хуже, майор.

Брови Уитни изогнулись, а в глазах мелькнули веселые искорки.

– Анна вбила себе в голову, что Шелли должна снова выйти замуж или по крайней мере завести серьезный роман. Но Шелли не реагирует на ее уговоры. Она, как вы сказали, женщина разумная и уравновешенная. Шелли хорошо устроила свою жизнь и, к удивлению Анны, поддерживала дружеские отношения с Уолтом. Впрочем, я сам очень любил Уолта. – Искорки юмора погасли. – У такого человека просто не могло быть врагов. Даже Анна, несмотря ни на что, была не в состоянии испытывать к нему неприязнь. Дети обожали его, а так как я знаю их практически не хуже своих собственных, хочу сразу предупредить, что они не могут иметь никакого отношения к убийству. Хотя вам, разумеется, все равно придется проверить их в ходе расследования.

– Я не нашла ни улик, ни мотивов, указывающих в этом

направлении, майор. Как и в направлении зятя и невестки.

– Но вы нашли Джулианну Данн.

– Да, сэр.

Уитни отодвинул свой стул от стола и поднялся.

– Временами, Даллас, система дает сбой, и на свободу раньше времени выходит опасный преступник. В результате погибает хороший человек.

– Никакая система не защищена от сбоев, но, когда теряешь друга, мысль об этом не приносит облегчения.

Уитни кивнул, принимая это выражение соболезнования.

– Почему она убила его, Даллас?

Ева тоже встала.

– До сих пор ее целью было найти мужчину с деньгами и положением в обществе, вступить с ним в брак и унаследовать его состояние после его смерти. Во всех трех известных нам случаях мужчины уже однажды были женаты и были старше ее по возрасту не менее чем на двадцать пять лет. Хотя Петтибоун соответствовал описанному типу, не обнаружено никаких указаний на то, что он был лично знаком с Джулианной Данн. Она не являлась законной наследницей его состояния и, следовательно, не могла заработать на его смерти своим обычным способом. – Вынув из кармана диски с рапортами, Ева положила их на стол. – Тем не менее наиболее логичным мотивом остается финансовая выгода. Сейчас я отрабатываю версию, что Данн кто-то нанял. Мы проверили на первом уровне финансовое положение членов се-

мьи и деловых компаньонов покойного. Я не нашла никаких признаков изъятий крупных сумм, которые соответствовали бы гонорару профессионального киллера. Теперь я должна копнуть глубже, и мне нужна санкция на второй уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.